

А. К. ЗАВАДСКІЙ-КРАСНОПОЛЬСКІЙ.

РУССКОЕ ЦАРСТВО

КОРЯКО-ЧУКОТСКІЙ КРАЙ

И

КАМЧАТКА

* Природа, ея особенности и население.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Складъ изданія въ „Книжномъ Магазиѣ для Иногородныхъ“.
(С.-Петербургъ. Невскій просп., д. № 27.)

1873.

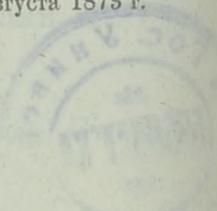
А. Н. ЗАВАДЪНЪ-КРАСНОПОЛЬСКІЙ

РАССКОЕ ЦАРСТВО

КОРЯКО-УКОТСКІЙ КРАЙ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 7 Августа 1873 г.

КАМРАТКА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. П. П. МЕРКУЛЬЕВА, Графскій пер., д. № 5.

1873.

ОТЪ АВТОРА.

Приступая къ изданію очерковъ различныхъ мѣстностей Русскаго Царства, столь богатаго самыми разнородными особенностями, я далекъ былъ отъ мысли: разсчитывать на исключительно матеріальныя выгоды, — на легкую и скорую наживу, составляющую главную цѣль большинства составителей книгъ, предназначаемыхъ для всѣхъ возрастовъ и сословій. Предлагаая читателю очерки „Русскаго Царства“, я имѣлъ въ виду прежде всего: пополнить, хотя до извѣстной степени, видный пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ русскихъ людей о „Русской Землѣ“. Этотъ пробѣлъ чувствуется всѣми, не исключая даже тѣхъ, которые имѣли возможность получить высшее образованіе *); а потому задача моя будетъ до извѣстной степени выполнена уже и тогда, когда, хотя въ нѣсколькихъ десяткахъ русскихъ людей, прочитавшихъ ка-

*) О причинахъ такого ненормальнаго явленія мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

кой-либо изъ моихъ „очерковъ“ явится желаніе къ изученію особенностей русской земли въ разныхъ мѣстностяхъ Русскаго Царства—трудъ, конечно, не совсѣмъ легкій; но онъ не останется безполезнымъ въ виду совершающихся реформъ, требующихъ отъ cadaго дѣятеля не только умѣнія списывать и переписывать, но и разумно соображать о выгодахъ того или другаго края, а подобныя соображенія возможны только при основательномъ знакомствѣ съ особенностями каждой мѣстности, безъ чего всѣ, самыя геніальныя, проэскты, имѣющіе въ виду улучшение народнаго быта, не принесутъ для страны тѣхъ выгодъ, которыя имѣлись въ виду составителемъ, не имѣвшимъ возможности приспособить его къ особенностямъ присущимъ той или другой мѣстности. Улучшеніе быта населенія возможно только тогда, когда намъ извѣстны всѣ особенности его быта. Вотъ почему мы думаемъ, что для насъ настала пора приняться за изученіе роднаго края, во многихъ мѣстностяхъ котораго, какъ мы имѣли уже случай не разъ замѣтить*) чувствуется настоятельная потребность въ улучшеніи быта.

А. К. Завадскій—Краснопольскій.

*) См. мои статьи „Бесѣда“ 1871, „Дѣло“ 1872, „Гражданинъ“ 1872 и др.

КОРЯКО-ЧУКОТСКИЙ КРАЙ И КАМЧАТКА.

I

Природа, ея особенности и население.

Отдаленность восточной окраины Русской земли отъ Петербурга, средоточія русской жизни и русской мысли, поставила этотъ край въ такое отношеніе къ Государству, что у насъ почти не получается о немъ никакихъ свѣдѣній, и русскіе географы о крайнемъ сѣверо-востокѣ русской земли знаютъ гораздо меньше, чѣмъ русскіе астрономы о кольцахъ сатурна, или русскіе орнитологи о расположеніи перьевъ у американской колибри. Въ силу, вполнѣ доступной большинству русскихъ ученыхъ бездѣятельности, а также и потому, что по существующимъ въ Сибири дорогамъ не легко переѣхать тѣ тысячи верстъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ Камчатки, наши свѣдѣнія о ней и до сихъ поръ такъ ничтожны и поверхностны, что мы объ отдаленной лунѣ можемъ говорить съ большей увѣренностью, чѣмъ о своей родной окраинѣ. А вѣдь около двухъ вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ якутскій промышленникъ, казакъ Владиміръ Атласовъ, присоединилъ этотъ край къ великой русской державѣ, и не смотря на этотъ значительный

періодъ времени западные ученые не безъ укоризны говорятъ, что Камчатка принадлежитъ къ числу тѣхъ странъ, для которыхъ природа сдѣлала многое, а *человѣкъ ничего!*...» Но и этотъ край имѣлъ свое неизвѣстное намъ прошлое, имѣлъ свою жизнь... Мало того, что намъ неизвѣстна, чуждая для насъ, былая жизнь племенъ, населяющихъ этотъ край,— мы недостаточно знакомы съ событіями болѣе близкаго къ намъ времени, относящимися къ жизни камчатскихъ поселенцевъ, какъ напр. побѣгъ Беневскаго, называвшаго себя венгерцемъ Бейноксомъ, одного изъ польскихъ конфедератовъ, сосланнаго, во второй половинѣ минувшаго вѣка въ Камчатку. Въ 1770-мъ году привезли его въ Большерѣцкъ, тогдашнюю камчатскую столицу, которая позднѣе перенесена была въ Нижнекамчатскъ, а потомъ въ Авачу или Петропавловскъ. Тогдашняя столица Камчатки носила только имя города, но на самомъ дѣлѣ она была маленькимъ селеніемъ съ деревянною церковью, худшею, чѣмъ обыкновенныя сельскія, съ казеннымъ домикомъ коменданта, казармой, амбарами и десятками кое-гдѣ разбросанныхъ избышекъ. Въ этомъ городѣ принимали Кука, сюда же заходилъ и Лаперузъ; но послѣдній явился сюда нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ упомянутый нами Беневскій, захвативъ при помощи своихъ сообщниковъ Большерѣцкъ, и овладѣвъ казначействомъ, бѣжалъ со своими сообщниками моремъ во Францію. Достойно вниманія, что объ этой катастрофѣ, ошеломившей тогда всю Камчатку, въ Петербургѣ узнали официальнымъ путемъ только 8 мѣсяцевъ спустя, т. е. гораздо позже чѣмъ дошли туда частныя извѣстія, облетѣвшія по морю вокругъ всего стараго свѣта.— Съ жизнью и бытомъ населенія этого края болѣе другихъ знакомитъ насъ американецъ Кеннанъ, изу-

чившій крайній сѣверо-востокъ русской земли во время начатыхъ было работъ по сооруженію сибирско-американскаго телеграфа, предпринимаемыхъ западной компаніей американскихъ телеграфовъ, и прекращенныхъ по случаю удачнаго проведенія телеграфа по Атлантическому океану.

Въ полдень, 18-го августа 1865 года, Кеннанъ увидѣлъ Камчатку съ брига-Ольги на разстояніи болѣе ста миль. «Передъ нами, писалъ онъ въ своемъ дневникѣ, блѣдно обрисовались двѣ высокія коническія вершины, на которыхъ едва замѣтенъ былъ по отдаленности только бѣлый снѣгъ въ глубокихъ ихъ оврагахъ, и очертанія этихъ горъ были такъ не ясны, что ихъ едва можно было отличить отъ голубаго неба.— Это были *Велесинскія горы* и *Авача* на камчатскомъ берегу.» Въ четыре часа по полудни на протяженіи 150 верстъ отъ сѣвера къ югу, вытянулась передъ нимъ береговая линія Камчатки, поднимавшаяся крутыми уступами надъ голубой блестящей поверхностью моря. Уступы эти казались окрашенными въ пурпуръ и были испещрены бѣлыми облаками, и изрѣдка туманомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приподнимавшимъ свѣтло-голубой оттѣнокъ. Два дѣйствующихъ вулкана (10,000 и 16,000 ф. высоты) поднимались надъ многочисленными зубчатыми рядами низшихъ горъ и ясно рисовались на голубомъ небѣ своими остроконечными, вѣчно покрытыми снѣгомъ, вершинами, бросая вокругъ себя красноватая вечернія тѣни.

На слѣдующій день наши мореплаватели увидѣли передъ собою высокіе, уединенные утесы «*Трехъ братьевъ*», миновали утесистый островъ, надъ которымъ вились стаи крикливыхъ чаекъ и дикихъ утокъ, и послѣ полудня достигли берега *Авачинской губы*, на которомъ расположенъ *Петропавловскъ* *).

*) *Петропавловскъ* считается однимъ изъ окружающихъ городовъ

Видъ страны и богатство ея травянаго покрова поразили мореплавателей и превзошли ихъ ожиданія. Съ именемъ Камчатки, говоритъ Кеннанъ, соединялось въ нашемъ умѣ понятіе о пустынномъ и дикомъ краѣ, и мы даже не допускали, чтобы эта страна могла бы представить разнообразіе животныхъ породъ и роскошную растительность. Мы съ удивленіемъ и восторгомъ глядѣли на зеленые холмы, покрытые деревьями и кустарниками, — на долины, бѣлѣющія клеверомъ и усѣянные маленькими рощами березъ съ серебристыми стволами; и даже — на утесы, украшенные шиповникомъ и акаціями, которыя пустили корни въ ихъ трещинахъ. Окрестная мѣстность зеленѣла какъ изумрудъ. Въ травѣ синѣли здѣсь и тамъ болотныя фіалки; красные колокольчики вились по сѣрому мху утесовъ; дикія розы алѣли всюду въ чащѣ кустовъ и усыпали вокругъ себя землю нѣжно розовыми лепестками».

Петропавловскъ гнѣздится среди зеленыхъ холмовъ, окружающихъ небольшую группу бревенчатыхъ домиковъ съ красными тесовыми и соломенными крышами, надъ которыми красуется церковь съ зеленымъ куполомъ. Узкая набережная, полуразрушенная верфь, два китоловные судна и обнаженный остовъ до половины потопленнаго корабля довершаютъ картину незатѣйливой столицы Камчатки. Вообще говоря этотъ городъ построенъ очень неправильно и совсѣмъ неживописно. Мысль объ улицѣ никогда, кажется и не представлялась въ умѣ его основателей и ихъ потомковъ. Одины только узенькія тропинки протоптаны между разбросанными домиками, и, идя по нимъ, невозможно пройти ста аршинъ по

Приморской области. Населеніе его въ наше время не достигаетъ 500 человекъ, именно 263 муж. и 216 женщинъ. Иначе на 100 мужчинъ приходится всего 83 женщины.

прямой линіи, чтобы не наткнуться на стѣну како-го-нибудь дома, или не зайти въ чей-нибудь дворъ. Ночью вы рискуете встрѣтить на дорогѣ сонную ко-рову по крайней мѣрѣ чрезъ каждые пятьдесятъ ша-говъ. За то окрестности, покрытыя высокими зеле-ными холмами, очень живописны: особенно роскошна картина, представляющая глазамъ величественную снѣжную вершину *Авачи*, которая у самаго города поднимается на 11,000 футовъ. Въ городѣ суще-ствуютъ два монумента въ память извѣстныхъ море-плавателей Беринга и Лаперуза, а на окрестныхъ холмахъ виднѣются слѣды укрѣпленій, сооружавших-ся во время Крымской войны для отраженія напа-деній соединенныхъ эскадръ. Можно было думать, что отдаленность Камчатки избавить ея жителей отъ гибельныхъ послѣдствій войны; но оказывается, что и этотъ край имѣетъ свои разрушенныя укрѣпленія, и на его, поросшихъ нынѣ травую поляхъ, лилась кровь людей, совершенно незнакомыхъ съ усовер-шенствованными способами войны... Тѣмъ не менѣе горсти здѣшнихъ казаковъ и крестьянъ удалось отра-зить нападеніе на всѣхъ пунктахъ, и, пораженный полнѣйшей неудачей, адмиралъ непріятельской эскад-ры не рѣшился ее пережить, и лишилъ себя жизни. Въ годовщину этой побѣды жители Петропавловска со всѣмъ духовенствомъ во главѣ, при пѣніи благо-дарственныхъ молитвъ, совершаютъ крестный ходъ вокругъ города и на холмъ, съ котораго былъ отра-женъ непріятель. Выдающійся обрывистымъ утесомъ, этотъ холмъ не представляетъ теперь и слѣдовъ той кровавой борьбы, которая происходила на немъ. Зе-леный мохъ покрываетъ живымъ ковромъ землю, из-рытую въ предсмертныхъ судорогахъ умирающими, и колокольчики, наклоняясь отъ свѣжаго морскаго вѣтерка, не расскажутъ о послѣднихъ отчаянныхъ

усиліяхъ, о рукопашномъ боѣ и вопляхъ союзниковъ, сброшенныхъ русскими штыками съ утеса внизъ, съ 15-ти саженой высоты... О величественности монументовъ Петропавловска читатель можетъ судить по слѣдующему описанію памятника въ честь Лаперуза. «Это деревянный столбъ, обшитый желѣзомъ и выкрашенный въ черную краску. На немъ нѣтъ ни числа, ни надписи. Населеніе Петропавловска состоитъ изъ туземцевъ, русскихъ и нѣсколькихъ нѣмецкихъ и американскихъ купцовъ, привлеченныхъ сюда торговлей соболями. Поселеніе это существуетъ съ начала прошлаго вѣка. Въ бытность свою въ Петропавловскѣ Кеннану удалось присутствовать на бракосочетаніи мѣстныхъ гражданъ и вотъ та картина, въ которой онъ изобразилъ счастливую чету: «счастливый, или несчастный, женихъ былъ молодой круглолицый казакъ лѣтъ двадцати, одѣтый въ темный кафтанъ, туго перетянутый расшитымъ краснымъ поясомъ вокругъ его безконечно длинной талии. Ради торжественнаго дня онъ украсилъ себя высокимъ бѣлымъ стоячимъ воротникомъ, доходившимъ до самыхъ ушей. Ноги его были обуты въ башмаки, выше которыхъ дюймовъ на шесть начинался нижній край облегавшихъ его нанковыхъ панталонъ. Невѣста была сравнительно съ нимъ старуха — лѣтъ на двадцать, по крайней мѣрѣ, старѣе своего жениха, и къ тому еще вдова *). Голова ея была покрыта краснымъ шелковымъ платкомъ, приколотымъ спереди маленькой вызолоченной булавкой... По окончаніи обряда вѣнчанья начались поздравленья. Американцамъ не хотѣлось показаться неучтивыми; но на бѣду Кеннана, онъ за все время пребыванія своего въ Петропавловскѣ могъ заучить по-русски только: «да» «нѣтъ» и «какъ ваше

*) Такія ненормальные браки очень часты въ этомъ краѣ, что происходитъ отъ крайней малочисленности женщинъ.

здоровье?» «желая поддержать національную славу американцевъ, и въ тоже время оказать вниманіе невѣстѣ, я—говоритъ Кеннанъ—избравъ послѣднюю фразу, какъ самую удобную въ подобныхъ обстоятельствахъ,—подошелъ торжественно и, кажется, довольно неуклюже къ новобрачной, и спросилъ ее съ низкимъ поклономъ и очень дурнымъ русскимъ выговоромъ о состояніи ея здоровья; она отвѣтила очень любезно: *«чрезвычайно хорошо, покорнѣйше благодарю!»* «Какъ видно изъ разныхъ замѣтокъ автора, русскій языкъ давался ему не легко. Языкъ этотъ, по мнѣнію Кеннана, служитъ настоящимъ камнемъ преткновенія для иностранцевъ, путешествующихъ по Россійской Имперіи».

Въ 10—15 верстахъ отъ Петропавловска находится маленькое селеніе, *Авачи* (дорога къ которому идетъ между зеленыхъ холмовъ, поросшихъ деревьями и травой) надъ зеркальной поверхностью залива, открывающаго видъ на крутыя остроконечныя скалы, служація воротами для выхода въ море. По временамъ между рощами серебристыхъ березъ виднѣется длинный рядъ живописныхъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, и направляющихся по западному берегу до одинокой вершины *Виллючинской*. Здѣшнюю растительность по ея роскоши можно было бы назвать тропической: «Мы, говоритъ Кеннанъ, могли срывать цѣлыя пучки цвѣтовъ съ сѣдла, едва наклоняясь; а высокая трава, по которой мы ѣхали, доставала въ иныхъ мѣстахъ намъ до пояса. Омывающія Камчатку, моря обильно наполняютъ воздухъ водяными испареніями, которыя опускаясь на почву въ видѣ росы или дождя, способствуютъ росту травъ, достигающихъ здѣсь иногда до 2-хъ саж. въ высоту. Стебли травъ остаются здѣсь сочными до глубокой осени и не снятые съ поля даже зимой до-

ставляютъ скоту хорошій кормъ. Луга здѣсь такъ хороши, что сѣно можно косить три раза въ годъ.

Камчатка — это длинный, неправильныхъ очертаній, полуостровъ, лежащій на востокъ отъ Охотскаго моря, и имѣющій болѣе 1000 верстъ въ длину. Онъ весь почти вулканическаго происхожденія, а горная цѣпь, проходящая вдоль его, заключаетъ до сихъ поръ еще пять или шесть вулкановъ, находящихся въ постоянной дѣятельности. Эта громадная горная цѣпь непрерывно тянется вдоль всего полуострова, круто обрываясь у Охотскаго моря, и оставляя на сѣверъ высокую плоскую возвышенность, занимаемую кочующими *коряками*, и извѣстную подъ именемъ «дола». Югъ и середина полуострова перерѣзаны отрогами главной горной цѣпи, и образуютъ глубокія долины дикаго живописнаго характера.

За исключеніемъ крайняго сѣвера климатъ этого края отличается своей умѣренностью, а растительность почти тропической роскошью, которая совершенно противорѣчитъ господствующему у насъ представленію о Камчаткѣ. Хотя холодные морскіе вѣтры мѣшаютъ деревьямъ достигать полной своей высоты на морскихъ берегахъ; но во внутренности страны горные склоны и долины покрыты дремучими лѣсами. Камчатская зима, смягчаемая вѣяніемъ морей не такъ сурова, какъ зима внутренней Сибири, за то и лѣто здѣшнее не знаетъ также жаровъ, какія бывають вдали отъ моря.

Камчатскія рѣчки, по словамъ Бутакова, до того переполняются весной *лососями*, что эта рыба даже волнами во множествѣ выносятся на берегъ.

На здѣшнихъ горахъ живетъ *каменный баранъ*, и въ лѣсахъ *олень*, *соболы*, *песцы*, *лисицы*, *выдры горностаи* и *медвѣди*, отличающіеся своею громад-

ностью и замѣчательной трусостью. Здѣшнія бабы и дѣвушки, отправляясь въ лѣсъ за ягодами, при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, поднимаютъ передники выше головы съ пронзительнымъ крикомъ идутъ на него прямо—и трусливый медвѣдь всегда уступаетъ дорогу камчатскимъ красавицамъ. Камчатскіе медвѣди, подобно здѣшнимъ волкамъ, собакамъ и орламъ, питаются главнымъ образомъ рыбой, для ловли которой употребляютъ слѣдующій пріемъ. Извѣстно, что рыба идетъ въ рѣкѣ всегда противъ теченія воды; поэтому медвѣдь вошедши въ рѣку, становится въ ней противъ теченія, и, оставляя небольшое разстояніе между задними ногами, плотно сжимаетъ переднія; когда же между задними его ногами натѣснится достаточно рыбы; то медвѣдь сжимаетъ ихъ и выпрыгиваетъ на берегъ со своей добычей.

Между здѣшними птицами особеннаго вниманія заслуживаютъ *урилки*, *топорки* и *старички*, живущіе на скалистыхъ берегахъ. Ловля ихъ не лишена оригинальности. Вотъ, что о ней рассказываетъ Бутаковъ: эти пернатые сидятъ обыкновенно на закраинахъ утесовъ, и ловець съ опасностью сломать себѣ шею взбирается по скалѣ, запасшись предварительно палкой съ петлей и мѣшками. Приблизясь къ *уриламъ*, ловець снимаетъ шапку и вѣжливо раскланивается съ ними. *Урилы* отвѣчаютъ на его поклонъ движеніемъ головы. Послѣ взаимныхъ привѣтствій ловець поднимаетъ палку съ петлей къ ближайшей птицѣ и та преспокойно суетъ въ петлю свою голову. Ловець обмахиваетъ палку вмѣстѣ съ птицей къ себѣ за спину и, свернувъ ей голову прежде чѣмъ та успеетъ пискнуть, опускаетъ ее въ мѣшокъ. Тотъ же пріемъ употребляетъ онъ съ другою, третьей и т. д. пока не наполнится мѣшокъ,

который онъ передаетъ своему товарищу, получая отъ него взаменъ пустой. Замѣчательно, что эти пернатые вслѣдствіе своего ожиренія, препятствующаго имъ двигаться, не обращаютъ вниманія на убыль своихъ товарищей, и преспокойно всовываютъ свои головы въ петлю охотника.

Все населеніе крайняго сѣверо-востока русской земли, состоящее изъ *русскихъ, камчадаловъ и коряковъ*, Кеннанъ полагаетъ въ 5,000 человекъ.

Камчадалы составляютъ самое многочисленное племя въ Камчаткѣ; они живутъ маленькими селеніями въ бревенчатыхъ избахъ по всему полуострову, преимущественно у устьевъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ центральной цѣпи горъ. Занятія ихъ состоятъ изъ рыбной ловли, пушнаго промысла и воздѣлыванія рѣпы, капусты и картофеля. Главныя поселенія ихъ сосредоточены въ плодородной долинѣ рѣки Камчатки, между Петропавловскомъ и Ключевскою сопкою.

Долину рѣки Камчатки Кеннанъ считаетъ самой плодородной на всемъ полуостровѣ, и почти все, расположенныя въ ней камчадалскія деревни окружены садами и полями, засѣянными рожью; а берега повсюду покрыты строевымъ лѣсомъ или травою въ пять футовъ вышины. — Мѣстами роскошныя цвѣты свидѣтельствуютъ о богатствѣ почвы и благообразности климата: скороспѣлки, бѣлыя буквицы, болотныя фіялки, шиповникъ, косатики и кавалерскія шпоры растутъ въ изобиліи по всей долинѣ; а особенный видъ зонточныхъ съ полыми колечатыми стеблями достигаетъ иногда шестифутовой вышины, и растетъ къ тому такъ густо, что за огромными зазубренными листьями растенія не видно человека на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ. И

все это вырастаетъ въ продолженіи одного только лѣта!

Между верховьемъ рѣки и Ключевской сопкой находится 12 селеній *камчадаловъ*. Всѣ онѣ расположены въ живописныхъ мѣстностяхъ и окружены полями и садами. Нигдѣ путешественникъ не встрѣтитъ здѣсь того безплодія и заустѣвня, которыя всегда соединялись съ именемъ Камчатки. Избы въ деревняхъ *камчадаловъ*, скученныя въ безпорядкѣ у самаго берега, очень низки, и сложены изъ бревенъ, отесанныхъ и зазубренныхъ на концахъ и проконопаченныхъ сухимъ мхомъ. Крыши покрыты сухой осокой или полосами древесной коры. Онѣ свѣшиваются по сторонамъ, образуя навѣсы. Въмѣсто стеколь оконныя рамы чаще всего бывають затянуты прозрачнымъ рыбьимъ пузыремъ. Двери почти квадратныя, а трубы составлены изъ прямыхъ жердей, обмазанныхъ глиною. Между избами выстроены балаганы, служащіе кладовыми для запасовъ рыбы. Это простыя коническія постройки изъ бревенъ на четырехъ столбахъ. Основаніе ихъ находится гораздо выше земли затѣмъ, чтобы предохранить запасы отъ собакъ. Возлѣ каждаго дома на горизонтальныхъ жердяхъ висятъ тысячи сушеныхъ лососей, наполняющихъ воздухъ свойственнымъ рыбьимъ запахомъ, свидѣтельствующемъ какъ о пищѣ, такъ и о занятіяхъ *камчадаловъ*. Съ подюжины лодокъ лежатъ опрокинутыми на песчаномъ берегу; поверхъ ихъ растянута искусно связанные невода. Двое или трое узкихъ саней прислонены къ каждой избѣ, а около сотни волкоподобныхъ собакъ съ торчащими ушами привязаны на нѣкоторомъ разстояніи къ тяжелымъ бревнамъ. Возвышающаяся посреди деревни православная церковь, выкрашенная красной краской съ блестящими куполами, рѣзко выдѣляется изъ массы неуклюжихъ бревенчатыхъ избушекъ

и конических балагановъ. Надъ здѣшними церквами чаще всего возвышаются два купола изъ жести, выкрашенные голубой краской, и усѣянные золотыми звѣздами. Камчадалы южной части полуострова имѣютъ довольно темный цвѣтъ кожи, а ростомъ гораздо ниже остальныхъ сибирскихъ инородцевъ. Они широкоплечи съ выдающимися скулами и выдвинувшимися впередъ челюстями. Губы у нихъ толсты, а волосы черны и сѣдѣютъ не раньше 60-ти лѣтъ. Вообще говоря, камчадалы отличаются бодрымъ и здоровымъ видомъ и замѣчательной неутомимостью, которая не оставляетъ ихъ и въ старческомъ возрастѣ. Ведя осѣдлую жизнь, они гораздо болѣе остальныхъ сибирскихъ инородцевъ подчинились цивилизирующему обрусѣнію; почти всѣ приняли вѣру *), нравы и обычаи своихъ завоевателей, — даже родной ихъ языкъ выходитъ изъ употребленія; и только случайное принесеніе собаки въ жертву какому нибудь духу бури, или болѣзни, напоминаетъ объ ихъ исчезающихъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ... Лососи составляютъ любимую пищу камчадаловъ и они ловятъ эту рыбу при помощи багровъ, неводовъ и другихъ снарядовъ. Высушенная на открытомъ воздухѣ безъ соли, она составляетъ почти единственную пищу камчадаловъ и ихъ собакъ во время долгихъ, холодныхъ сѣверныхъ зимъ. Кромѣ рыбы камчадалы налавливаютъ огромное количество лебедей, гусей и утокъ. Во время линянія этихъ птицъ артели (50—70 человѣкъ) на лодкахъ загоняютъ ихъ большой стаей въ какой нибудь узкій ручей, въ концѣ котораго поставлена огромная сѣть;

*) Хотя камчадалы давно уже приняли христіанство, но и до сихъ поръ языческій богъ ихъ, Кутка, глухой по ихъ понятіямъ и его умная жена, Хахи—не потеряли своего значенія въ міросозернаніи этого племени.

здѣсь убиваютъ ихъ дубинами; потомъ очищаютъ и солятъ. Хлѣбъ готовятъ они изъ введенной здѣсь русскими ржи, до введенія которой нѣчто, похожее на хлѣбъ, приготовлялось ими изъ клубней красной камчатской лиліи. Изъ множества видовъ, растущихъ здѣсь ягодъ, самыя употребительныя черника, морошка и брусника. Последнюю собираютъ поздно осенью и замораживаютъ для зимы. Кромѣ того камчадалы держатъ коровъ, — и молока всегда можно найти въ изобиліи... Главный недостатокъ въ избѣ камчадаловъ заключается въ очень низкихъ дверяхъ; но за то внутри ихъ господствуетъ такая чистота и опрятность, что, по словамъ Кеннана, *«не было доски на полу, на которой не согласился бы псть самый прихотливый человекъ»*... *«Мы ѣхали въ Камчатку, напередъ приготовившись къ постоянной діетѣ, ограничивавшейся ворванью, свѣчнымъ саломъ и тресковымъ жиромъ; представьте же себѣ, говоритъ Кеннанъ, наше изумленіе, когда мы увидали добровольныя приношенія въ видѣ утокъ, оленьихъ языковъ, брусники, топленыхъ сливокъ и т. п., свидѣтельствовавшія о готовности и гостепріимствѣ жителей и объ ихъ сочувствіи къ нуждамъ усталыхъ путешественниковъ.*

Проживши мѣсяць въ Камчаткѣ, Кеннанъ говорилъ: какъ измѣнился мой взглядъ на этотъ край съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидалъ крутой обрывистый берегъ Камчатки! Тогда этотъ край казался мнѣ таинственной страной ледниковъ и снѣжныхъ горъ, гдѣ меня ожидали разныя приключенія среди одинокой необитаемой пустыни. Теперь онъ уже не былъ для меня пустыннымъ и непривѣтливымъ: каждая горная вершина напоминала о какомъ нибудь гостепріимномъ селеніи, гнѣздящемся у его подножія. . Честное, безобидное и госте-

пріимное племя камчадаловъ переноситъ всякое злоупотребленіе и дурное обращеніе безъ видимаго желанія отмстить, и притомъ, съ величайшимъ добродушіемъ и покорностью. Камчадалы незлопамятны и вѣрны, какъ собаки. Если съ ними вы обращаетесь хорошо, то малѣйшее желаніе ваше будетъ для нихъ закономъ, и они употребятъ все усилія, чтобы доказать свою признательность за оказанную имъ доброту, предупреждая даже не высказанныя желанія. Камчадалы отличаются отъ большинства нашихъ инородцевъ стремленіемъ къ возможной чистотѣ, порядку — и главное спокойствію. И въ то время какъ у другихъ сѣверныхъ дикарей женщина считается чѣмъ-то въ родѣ вьючнаго животнаго, — у Камчадаловъ она пользуется полнѣйшимъ уваженіемъ.

Камчадалы сѣверной части полуострова имѣютъ обыкновенно два мѣстожителства, смотря по временамъ года, одно — зимнее обыкновенное, а другое лѣтнее, или рыболовный станокъ. Въ первомъ живутъ они обыкновенно отъ сентября до іюня. Рыболовные станки свои они ставятъ у устья ближайшей рѣки или потока. Они состоятъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ юртъ или землянокъ — нѣсколькихъ балагановъ на сваяхъ и изъ множества деревянныхъ срубовъ для сушенія рыбы. — Во все время рыбной ловли зимнія жилища остаются въ полнѣйшемъ запустѣніи. Въ началѣ іюня (семга) лосось входитъ въ рѣки изъ моря въ громадномъ количествѣ; его ловятъ корзинами, сѣтями и другими способами, — разрѣзываютъ, потрошатъ и, очищая отъ костей съ изумительною ловкостью и быстротой, развѣшиваютъ для сушенія длинными рядами на горизонтальныхъ шестахъ. Громадное количество этой рыбы, входящей въ здѣшнія рѣки и рѣчки по истинѣ изумитель-

но. Даже въ маленькихъ горныхъ ручьяхъ до того узкихъ, что ребенокъ могъ бы перешагнуть черезъ нихъ, лососи въ полтора, два фута съ трудомъ поднимаются вверхъ, и Кеннанъ съ своими спутниками ловилъ ихъ *руками* цѣлыми дюжинами. Весною въ камчатскія рѣки подымается такое множество рыбы, особенно лососей, что, по увѣренію Бутакова, даже волны выбрасываютъ ее на берегъ во множествѣ. Рѣдко случается, чтобы опущенный въ воду багоръ не проткнулъ рыбины. Въ нѣкоторыя рѣчки наваливается рыба въ такой массѣ, что ей буквально нѣтъ возможности повернуться, и проходящій по берегу камчадалъ, которому вздумается скуки ради закусить. Мимоходомъ вытаскиваетъ себѣ изъ воды одну рыбину, и, вырѣзавъ изъ нея любимый кусочекъ ѣсть сырымъ, а остальное бросаетъ прочь. Понятно, что при такомъ изобиліи рыбы въ камчатскихъ рѣкахъ — здѣшніе медвѣди и собаки наваливаютъ ее гораздо болѣе, чѣмъ любой нашъ рыбакъ внутреннихъ губерній. Кромѣ большихъ рыбъ въ камчатскія рѣки вваливается весной множество *сельдей* и *наваги*. Соленыя *сельди* по вкусу не уступаютъ голландскимъ. *Навага* же, хотя и очень вкусна, но по нѣжности своего мяса непригодна для соленія. Чтобы составить себѣ понятіе о той громадной массѣ, въ какой она вваливается въ здѣшнія рѣки, можно судить изъ того, что обыкновеннымъ неводомъ заразъ вытаскиваютъ такое множество, что не вмѣщаютъ на двухъ большихъ рѣчныхъ лодкахъ.

По окончаніи рыбной ловли, и по переходѣ на зимнее жильё сѣверные камчадалы принимаются за устройство *соболиныхъ ловушекъ*, которыхъ иногда одинъ туземецъ наставитъ въ лѣсу до сотни; кромѣ западней за сободемъ охотятся на лыжахъ съ дрессированными собаками. *Большая часть русскихъ*

соболей на европейских рынках добывается тузмиами Камчатки. Камчадаловъ фактически эксплуатируютъ поселившіеся въ край нѣмецко-американскіе спекулянты и русскіе кулаки. Число *соболей* ежегодно добываемыхъ въ Камчаткѣ колеблется между 6 — 9 тысячами. Цѣнность соболиной шкурки на мѣстѣ доходила въ 1864-мъ году до 15 руб. сер., но камчадалъ, получая плату чаемъ, сахаромъ, табакомъ и другими товарами по оцѣнкѣ торговца, едва ли выручалъ болѣе половины указанной цѣны.

Языкъ камчадаловъ отличается обиліемъ горловыхъ звуковъ. Впрочемъ, большая часть обитателей сѣверной части полуострова говоритъ по русски и по коряцки. — Всѣ ихъ преданія имѣютъ печальный фантастическій характеръ; а музыка ихъ напоминаетъ нѣчто дикое и страшное; она навѣваетъ на душу грустное чувство; въ ней слышится какое-то смутное безпокойство, сожалѣніе о чемъ-то невозвратномъ, и напоминаетъ цѣніе похоронныхъ панихидъ; но плясовые мотивы камчадаловъ состоятъ изъ оживленныхъ, энергическихъ, отрывистыхъ переходовъ, повторяемыхъ нѣсколько разъ безъ всякихъ варіацій. Всѣ они страстно любятъ музыку и обыденнымъ инструментомъ для нихъ служитъ балалайка. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ хорошо играютъ на самодѣльныхъ скрипкахъ. — Зимнія поѣздки совершаются ими на собакахъ. *Камчатская собака*, которая есть ничто иное какъ полуприрученный волкъ, сохранившій всѣ свои инстинкты и привычки отличается своей закаленностью и выносливостью. Она будетъ спать на снѣгу при 70° мороза, и, поѣвши всего фунтъ или полтора сушеной рыбы въ сутки, везетъ даже тогда, когда каждое движеніе ея ноги оставляетъ кровавыя пятна на снѣгу. Управлять собаками, запряженными въ

узкія длинныя сани не такъ легко, какъ кажется съ перваго разу; неопытный ѣздокъ въ первыя же десять минутъ будетъ вываленъ въ снѣгъ, а сани его отброшены на четверть версты. Кеннанъ пришелъ даже къ тому убѣжденію, что надо родиться со способностью хорошо управлять собаками, а приобрьсть ее трудно *). Неудобства ѣзды на собакахъ заключаются въ томъ, что при спускахъ съ крутыхъ горъ, а также когда они почуютъ присутствіе какого нибудь звѣря ихъ трудно удерживать отъ скорого бѣга; напротивъ при подъемахъ на горы, они по слабосилію своему едва могутъ тащить и пустую *нарту* (узкія длинныя и легкія саночки), и тогда проводникъ и сѣдокъ принуждены бывають идти пѣшкомъ. Во время ѣзды собаки часто запутываются въ своей упряжи, поправлять которую при сибирскихъ морозахъ также не всегда удобно. Если собаки потеряютъ вывалившася изъ нарты сѣдока, то возвращаются домой и громкимъ воемъ предупреждаютъ населеніе о потерѣ своего хозяина. Лучшимъ временемъ для ѣзды на собакахъ считаются мартъ и апрѣль мѣсяцы.

Одежда камчадаловъ, какъ и остальныхъ сибирскихъ инородцевъ, сдѣлана большею частью изъ звѣриныхъ шкуръ. Зимой они носятъ «торбасы» или сапоги изъ тюленьей кожи поверхъ чулокъ изъ оленьей шкуры, мѣховыя панталоны шерстью внутрь, лисій «кукуль» или капоръ и толстую «вуклянку» — двойную мѣховую рубашку, покрывающую все тѣло, до колѣнъ, обшитую у ворота и рукавовъ лоснящимся бобромъ, а внизу вышитой шелками. Въ

*) Здѣшнія собаки, по словамъ Бутакова, не имѣютъ понятія о бдительности и изъ дюжины, привязанныхъ подлѣ дома ни одна не сторожитъ его и не тронется съ мѣста при видѣ чужаго человѣка. Лаять онѣ не умѣютъ и всѣ свои ощущенія выражаютъ воемъ.

этомъ костюмѣ они спокойно проводятъ недѣли внѣ своего жилья, проводя ночь подъ открытымъ небомъ при 20—30° мороза.

Одноплеменные съ *чукчами*, *коряки* *) составляютъ самое дикое, могущественное и независимое инородческое население Сибири. Любимымъ мѣсто-пребываніемъ ихъ служатъ обширныя, пустынные степи на востокъ отъ Пенжинскаго залива, гдѣ они постоянно перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто одинокими семьями, и живутъ въ просторныхъ палаткахъ изъ звѣриныхъ кожъ; все ихъ богатство состоитъ изъ многочисленныхъ стадъ сѣверныхъ оленей. Они рѣдко спускаются южнѣе 58 с. ш. и то только тогда, когда ими добыты соболиныя шкуры для продажи. Занимаемая коряками степь, зимою довольно удобна для переѣзда, но лѣтомъ рѣшительно непроходима. На протяженіи 500—600 квадрат. верстъ никогда неоттаявающая почва покрыта на 2 фута глубины густымъ роскошнымъ ковромъ мягкаго, губчататаго арктическаго мха, пропитаннаго водой и усѣяннаго кустарниками брусники и либридарскаго чаю. — Эта степь никогда не высыхаетъ совершенно и никогда не дѣлается на столько твердой, чтобы можно было свободно ступать по ней. Съ іюня до сентября все это пространство представляетъ ничто иное, какъ огромную трясиину, въ которой иногда вязнетъ по колѣни во мху насыщенномъ водою, которая, вслѣдствіе замерзшаго подъ мхомъ грунта, не можетъ просачиваться внутрь земли, и остается на поверхности. Зимою обыкновенно олени, принадлежащіе корякамъ, отыскивая мохъ, разрываютъ

*) *Чукчи* и *коряки* занимаютъ крайній сѣверо-востокъ Зауральскаго края (Сибири), и границей между ними служить р. Анадырь. отъ которой къ сѣверу живутъ *чукчи*, къ югу — *коряки*. Какъ у первыхъ, такъ и у послѣднихъ, до сихъ поръ сохранился обычай татуировки посредствомъ накалыванья на кожѣ разныхъ знаковъ.

снѣгъ въ окрестности коряцкихъ юртъ, что и указываетъ путешественнику по этой безлюдной степи на близость человѣческаго жилья... Выдающіяся скулы, смѣлые живые глаза и прямые черные, какъ смоль волосы, указываютъ на родство сибирскихъ коряковъ съ американскими индѣйцами; но въ лицахъ краснокожихъ нѣтъ той прямой искренней честности, которая съ перваго раза бросается въ глаза при встрѣчѣ съ корякомъ. Всѣ они отлично сложены, крѣпки и высокаго роста. Костюмъ у нихъ такой же какъ у сѣверныхъ камчадаловъ. Походныя жилища ихъ устраиваются изъ шестовъ, обтянутыхъ оленьими шкурами; съ виду они похожи на «чумъ», съ той только разницей, что жилье коряковъ довольно обширно и имѣетъ внутри нѣсколько пологовъ, напоминающихъ якутскую юрту. Входъ въ палатку состоитъ изъ низкой, длинной (футовъ 12—15) норы, между наружнымъ и внутреннимъ отверстиями; чрезъ эту нору можно только ползкомъ пробраться въ юрту. Внутри этой палатки устроенъ очагъ, дымъ отъ котораго наполняетъ верхнюю часть юрты, оставляя нижнюю футовъ на пять отъ земли болѣе свободною отъ удушливой копоти. Маленькіе, почти не проницаемые для воздуха пологи, устраиваются вокругъ внутренней стѣны палатки и раздѣлены между собой кожаными занавѣсками. Они сдѣланы изъ толстыхъ шкуръ и спиты такъ плотно, что не пропуская воздуха, согреваются и освѣщаются кускомъ моха, горящаго въ деревянной чашкѣ, наполненной тюленьимъ жиромъ. Пологи эти имѣютъ около 4-хъ футовъ высоты и пяти или восьми длины и ширины. Въ замѣнъ теплоты, которую доставляетъ свѣтильня изъ мха, она поглощаетъ кислородъ воздуха, вмѣсто котораго возвращаетъ углекислый газъ и маслянистый чадъ,

очевидно вредныя для дыханія и здоровья. Но, судя по корячкамъ, большую часть своей жизни проводящимъ въ пологихъ, онѣ не испытываютъ особенно дурныхъ послѣдствій; достигаютъ преклонныхъ лѣтъ, и за исключеніемъ худобы и угловатости, ничѣмъ не отличаются отъ женщинъ, живущихъ при болѣе благопріятныхъ гигиеническихъ условіяхъ... Кочующіе коряки бродятъ по обширнымъ степямъ сѣверной Камчатки (между 58° и 63° с. ш.). Они постоянно странствуютъ со своими многочисленными стадами, не оставаясь на мѣстѣ долѣе одной недѣли, что объясняется тѣмъ, что стадо въ 4—5000 головъ въ теченіи нѣсколькихъ дней изроетъ снѣгъ и уничтожитъ мохъ на цѣлую милю въ окрестности. Такимъ образомъ перекочевки совершаются не отъ непостоянства ихъ характера, но отъ нужды—доставить кормъ оленямъ, смерть которыхъ естественно должна повести къ голодной смерти ихъ хозяевъ. Въ своей бродячей жизни они для большаго удобства, соединяются въ шайки, состоящія изъ 6—8 семействъ, предводитель которыхъ «Тіонъ», владѣющій обыкновенно самымъ большимъ стадомъ въ шайкѣ, рѣшаетъ обыкновенно мѣсто будущей стоянки; во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ онъ подчиняется общему собранію шайки.

Коряки почитаютъ злыхъ духовъ, способныхъ сдѣлать имъ зло, и шамановъ; но безынтересно относятся къ силѣ земныхъ властей. Они гостепріимны, услужливы и добры съ тѣми, кто относится къ нимъ вѣжливо, но съ добросердечной улыбкой похлопаютъ по головѣ того, который станетъ рисоваться передъ ними своей административной силой и вліяніемъ.

Обыкновенную пищу коряковъ составляетъ «маніалла», приготовляемая изъ запекшейся крови, сала и полупереваренаго мха, вынимаемаго изъ желуд-

ка убитых оленей. Все это варится вмѣстѣ съ прибавкой сухой травы — послѣ чего изъ этой смѣси дѣлаютъ маленькіе хлѣбы для будущаго употребленія. Вниманіе хозяевъ къ гостямъ выражается непріятнымъ для образованнаго человѣка обычаемъ, напоминающимъ угощеніе бетелемъ у индусовъ. Дѣло въ томъ: корякъ-хозяинъ, откусивъ нѣсколько кусковъ дичи, которую держалъ въ своихъ рукахъ, и вынувъ ихъ изъ рта, предложилъ Кеннану. Ужинъ у коряковъ составляетъ главную ѣду. Усѣвшись вокругъ котла съ *маніаллой*, или вокругъ корыта съ олеиной, всѣ мужчины, бродившіе цѣлый день по тундрѣ, ведутъ между глотками мха или мяса, оживленную бесѣду о разныхъ предметахъ, касающихся несложнаго ихъ быта. Свадебные обряды коряковъ поражаютъ своею оригинальностью: обыкновенно женихъ является къ отцу своей невѣсты, раз узнаетъ о количествѣ ея приданаго и назначенной за нее цѣны. Въ числѣ главныхъ условій жениху предлагаютъ отслужить за свою невѣсту два или три года... Если невѣста по душѣ коряку; то онъ бодро принимается за работу: рубить и таскаетъ дрова, караулитъ оленей, заготавливаетъ сани и т. п. Но этимъ не оканчиваются испытанія жениха. Послѣ всѣхъ испытаній онъ долженъ выдержать еще брачную игру, которую Кеннанъ описываетъ такимъ образомъ: «палатка, въ которую мы вошли, была обыкновенно просторна и заключала въ себѣ 26 пологовъ. На свободномъ пространствѣ, по срединѣ у очага, сидѣла толпа коряковъ съ темными лицами и полуобритыми головами; все вниманіе ихъ раздѣлялось повидимому между разными котелками и корытцами съ *маніаллой*, варенымъ мясомъ, мозгами, замороженнымъ саломъ и т. п.

Они заняты были споромъ о какомъ то пунктѣ

брачнаго обряда. Послѣ ѣды и питья вдругъ раздался барабанный бой, наполнившій оглушительными звуками палатку. Въ эту же минуту вошелъ въ палатку молодой корякъ съ охапкой ивовыхъ прутьевъ и ольховыхъ вѣтокъ, которыя онъ началъ раздавать по всѣмъ пологамъ палатки. Мѣрный барабанный бой продолжался во все время раздачи ивовыхъ прутьевъ, послѣ чего барабанщикъ заплѣ тихій речитативъ, превратившійся вскорѣ въ дикое завываніе съ акомпаниментомъ огромнаго барабана. Затѣмъ приподнялись переднія занавѣсы пологовъ и на порогѣ каждаго усѣлись 2—3 женщины съ полученными ивовыми вѣтвями. Послѣ этого одинъ изъ пожилыхъ инородцевъ вывелъ изъ одного полога подлѣ двери красиваго молодаго коряка и темнолицую невѣсту, — вмѣстѣ съ тѣмъ шумъ началъ усиливаться — музыка ускорила свой темпъ, а мужчины начали вторить ей съ рѣзкими дикими вскрикиваньями. По знаку выводившаго инородца, невѣста бросилась въ первый пологъ и начала быстро бѣгать вокругъ палатки, поднимая послѣдовательно занавѣсы между пологами и пробѣгая черезъ нихъ. Женихъ горячо преслѣдовалъ ее, но женщины, находившіяся у каждаго полога старались помѣшать его бѣгу, то подставляя ему ноги, то опускаая занавѣсы, чтобы помѣшать ему пройти, и въ тоже время безпощадно стегали его ивовыми и ольховыми прутьями по самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла. Воздухъ оглашался барабаннымъ боемъ, одобрительными и насмѣшливыми возгласами и звуками тяжелыхъ ударовъ, которыми угощала несчастнаго жениха каждая кучка женщинъ, прогоняя его какъ бы сквозь строй. Но вотъ невѣста вошла уже въ послѣдній пологъ, а женихъ еще на половинѣ пути борется съ многочисленными препятствіями. Наконецъ ему

удалось выдержать пытку до конца и застать невѣсту въ послѣднемъ положѣ.

Не случись этого, т. е. уйди невѣста изъ послѣдняго полога прежде его появленія — и всѣ усилія его оказались бы напрасны: не только двухлѣтній трудъ его могъ бы погибнуть безвозвратно, но вдобавокъ онъ выдержалъ бы попусту чувствительную порку ивовыми прутьями. По окончаніи брачной церемоніи, переходя въ сосѣдную палатку, Кеннанъ увидалъ нѣсколькихъ коряковъ, которые кричали и шатались совершенно пьяные. Это опьяненіе не было слѣдствіемъ употребленія водки, неизвѣстной пока въ этомъ краѣ, а пріобрѣтается жеваньемъ мѣстнаго растенія, извѣстнаго подъ именемъ «поганки». Въ Сибири растутъ особенные грибы этого вида, называемые *мухоморами*, которые обладаютъ охмѣляющимъ свойствомъ. Коряки не могутъ собирать ихъ — такъ какъ они растутъ въ лѣсахъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, а потому продуктъ этотъ приходится имъ пріобрѣтать отъ русскихъ торговцевъ, продающихъ его по страшно высокой цѣнѣ. Иногда за одну поганку коряки даютъ мѣховъ рублей на двадцать. — *Языкъ коряковъ*, почти не отличающійся отъ языка чукчей, обладаетъ самымъ неудобнымъ численіемъ. Счетъ на этомъ языкѣ ведется пятками и до того сложенъ даже въ первыхъ двухъ десяткахъ, что эти племена считаютъ болѣе удобнымъ носить съ собою горсть камешковъ и при помощи ихъ отсчитываютъ соотвѣтствующее число. Въ самомъ дѣлѣ для выраженія количества *пятидесятишести*, корякъ долженъ сказать: «*ни-акхъ-клин-кинъ-минъ-гиччи-кинъ-нар-оль-иннинмиллигенъ*». Но недостатки корякскаго нарѣчія не мѣшаютъ корякамъ любить его. Подобно Якуту, корякъ не охотно говорить на чужомъ языкѣ, а потому для русскихъ

промышленниковъ, чукотскаго края умѣние говорить по корякски является крайней потребностью; тѣмъ болѣе что корякская рѣчь извѣстна всѣмъ племенамъ, живущимъ отъ р. Колымы до Берингова пролива.

Между обычаями коряковъ заслуживаютъ вниманія: *умерщвленіе стариковъ и безнадежныхъ больныхъ* и въ этомъ искусствѣ они отличаются большими знаніями и ловкостью, которыя направлены къ тому, чтобы лишать жизни возможно легчайшимъ и скорѣйшимъ способомъ. — *Тѣла умершихъ или убитыхъ сожигаютъ.* Въ этихъ съ виду дикихъ обычаяхъ выказалось вліяніе страны на бытъ и обычаи народа: при суровомъ климатѣ края и безплодіи занимаемой коряками, тундры, доставляющей одинъ только мохъ, изъ-за котораго они принуждены постоянно перекочевывать съ мѣста на мѣсто, ухоть за больными и, отжившими свой вѣкъ стариками дѣлается почти невозможнымъ, потому и въ торжественномъ умерщвленіи съ особенными церемоніями въ присутствіи всей шайки эти кочевники нашли естественный выходъ для спокойствія здоровыхъ и больныхъ. Тѣже причины обусловили и сожиганіе мертвыхъ: при постоянныхъ перекочевкахъ имъ невозможно было имѣть общее кладбище, да и не легко было рыть могилу въ промерзшей землѣ; оставлять же трупы на съѣденіе волковъ, было бы не согласно съ ихъ почитаніемъ умершихъ, — единственно, что могло помочь имъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, это сожженіе, послѣ котораго пепель разносится по волѣ вѣтра. Очевидно, что подобная обстановка не можетъ благопріятствовать усвоенію кочевниками христіанскихъ идей. Мрачная суровая страна съ ея жестокими пургами, вѣтрами при сильныхъ морозахъ, — съ частыми эпидемическими болѣзнями, убивающими людей, оленей и собакъ, — съ обыденными въ край

голодовками—все это такія условія жизни, которыя, вызываютъ вѣру въ силу и могущество зла, но не добра. Поэтому-то вѣра въ злыхъ духовъ и истолкователей ихъ воли шамановъ остается въ краѣ несокрушимой при всѣхъ усиліяхъ нашихъ миссіонеровъ. Лучшимъ доказательствомъ вліянія природы на развитіе того или другаго религіознаго убѣжденія можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что камчадалы, провожавшіе Кеннана, дѣти христіанъ и съ дѣтства воспитанные въ правилахъ православной церкви, каждое утро и вечеръ молившіеся христіанскому Богу, лишь только были застигнуты бурей въ суровыхъ горахъ сѣверной Камчатки,—тотчасъ, подобно закоренѣлымъ поклонникамъ злыхъ духовъ, принесли для умилостивленія ихъ въ жертву—собаку. Злые духи и ихъ умиротворители шаманы—вотъ тѣ вѣрованія, которыя развиваютъ и поддерживаютъ тундра и, пока, въ этомъ негостепріимномъ краѣ будетъ существовать населеніе, до тѣхъ поръ не умрутъ шамаизмъ и представители его шаманы, даже тогда—когда все населеніе будетъ записано въ христіанскихъ метрикахъ и всѣ шаманы будутъ разосланы по монастырямъ. Не понимая значенія и силы физическихъ законовъ, дѣйствующихъ въ природѣ, обитатель полярныхъ тундръ находится подъ постояннымъ гнетомъ, враждебныхъ его благосостоянію явленій: тамъ умираютъ люди отъ эпидемической оспы, — тамъ гибнутъ стада оленей отъ копытчатого рака, или другихъ смертельныхъ болѣзней, — наконецъ, пурга разгоняетъ и губитъ стада сосѣда, а его самого и семью доводитъ до голодной смерти—вотъ тѣ причины, которыя будутъ поддерживать въ населеніи жизненность вѣрованія въ непрерывно бодрствующія силы злыхъ духовъ, отравляющихъ жизнь и спокойствіе нашихъ инородцевъ.

Чувствуя вблизи себя постоянное присутствіе враждебныхъ дѣятелей, человекъ естественно старается сблизиться съ ними и умиловитъ ихъ жертвами. Малѣйшая удача поселяетъ въ немъ вѣру въ сближеніе съ духами, а возбужденное воображеніе убѣждаетъ его, что онъ избранъ ими посредникомъ въ сношеніяхъ съ его соплеменниками. Вотъ тѣ условія, которыя коренятся въ основѣ шамаизма и уничтожить ихъ возможно только переселеніемъ инородцевъ въ болѣе гостепріимный край.

Коряки владѣютъ огромными стадами оленей, Кеннанъ увѣряетъ, что многія изъ стадъ, встрѣчавшихся ему въ сѣверной Камчаткѣ, доходили до 9—12,000 головъ. Кромѣ этого, его увѣряли, что одинъ богатый корякъ, живущій посреди великой тундры считаетъ въ своихъ стадахъ до 30,000 головъ.—Охраненіе оленьихъ стадъ обусловливаетъ благосостояніе семьи, а потому подлѣ каждаго коряккаго стада бываетъ ночью 8—10 наблюдателей, стерегущихъ стада отъ нападенія волковъ. Въ холодную, зимнюю ночь, когда страшный сѣверо-восточный вѣтеръ гонитъ цѣлыя массы снѣга, сторожа оленьихъ стадъ одиноко сидятъ въ теченіе долгой темной зимней ночи—въ такихъ маленькихъ шалашахъ изъ вѣтвей, напоминающихъ пчелиный улей. Въ этомъ шалашѣ въ 3 ф. длины и 2 ширины сидитъ, скорчившись, караульный съ непремѣннымъ копьемъ (отказомъ), терпѣливо вынося холодъ, отъ котораго замерзаетъ ртуть, и свирѣпость вьюги, которая неразъ въ теченіе ночи сорветъ его легкій шалашъ.

Что касается честности *кочующихъ коряковъ* и ихъ сердечной доброты; то читатель можетъ судить изъ слѣдующихъ замѣчаній Кеннана: въ продолженіе 2-хъ лѣтъ, проведенныхъ среди коряковъ, я никогда не видалъ, чтобы они ударили женщину или

ребенка; а честность ихъ по истинѣ изумительна. Не разъ послѣ нашего отъѣзда они догоняли насъ, чтобы отдать ножикъ, трубку или другую бездѣлицу, забытую нами въ поспѣшности. Сани наши, — нагруженные табакомъ, бусами и другими предметами торговли, — оставались безъ всякаго караула внѣ палатокъ; но ничего никогда не было уворовано. Нѣкоторыя шайки принимали насъ съ такимъ гостепріимнымъ радушіемъ, какого почти не встрѣтить въ цивилизованныхъ христіанскихъ странахъ». — Совершенно иное рассказываетъ тотъ же авторъ объ *осѣдлыхъ корякахъ*, живущихъ подлѣ Пенжинскаго залива. Ихъ насчитываютъ около 3—400 человекъ, поселившихся на морскомъ берегу въ 4—5 деревняхъ. Первоначально они также вели кочевую жизнь, но потерявъ свои стада, поселились на берегу Охотскаго моря и занимаются рыболовствомъ и тюленьимъ промысломъ. Кромѣ того, они отыскиваютъ остовы китовъ, убитыхъ американскими промышленниками, и добываютъ изъ нихъ ворвань. Полная лишений, скудная жизнь ихъ извратила въ нихъ добрую и честную натуру кочевника; они сдѣлались жестоки, грубы, мстительны, безчестны и вѣроломны. На извращеніе ихъ характера, кромѣ печальной мѣстной и домашней обстановки, не мало вліяло сближеніе ихъ съ цивилизующимъ вліяніемъ русскихъ и американскихъ промышленниковъ. Русскіе промышленники познакомили ихъ съ плутовствомъ, а американцы съ пьянствомъ и развратомъ, результатомъ которыхъ явились тѣ небывалые въ этомъ народѣ бодѣзни, которыя рука объ руку идутъ съ цивилизованными племенами на пагубу нецивилизованныхъ нашихъ инородцевъ. Кромѣ того осѣдлые коряки въ большомъ количествѣ истребляютъ охмѣляющій *мухоморъ*. Свои юрты осѣдлые коряки строятъ изъ лѣ-

са, выбрасываемаго на берегъ. Въ нихъ нѣтъ ни оконъ, ни дверей, и попасть въ юрту можно только по шесту, проведенному снаружи еякъ трубѣ, чрезъ которую по другому шесту приходится спускаться въ юрту подъ клубами дыма отъ очага, испещренного массой искръ. Внутренній видъ юрты не особенно привлекателенъ: свѣтъ проникаетъ въ нее чрезъ трубу, которая, какъ мы видѣли, служитъ не только окномъ, но и дверью; а потому въ юртѣ всегда мрачно, не привѣтливо и грязно. Подъ трубой помещается очагъ и надъ нимъ котель со снѣгомъ. По сторонамъ юрты обведена платформа въ одинъ футъ высоты, а на ней положи, служащія не только спальнями, но и единственнымъ убѣжищемъ отъ дыма. Пища ихъ состоитъ изъ рыбы, оленины, прогорклаго жира и ворвани. Зимой по снѣгу собаки добираются до трубы и располагаются вокругъ отверстія, заглядывая по временамъ въ юрту, изъ которой долетаетъ до нихъ сквозь массы дыма лакомый запахъ варящейся рыбы. При этомъ подъ влияніемъ собачьей дружбы, нерѣдко менѣе стойкая, попадаетъ въ котель, доставляя такимъ образомъ корякамъ неожиданный приварокъ. Въ такихъ случаяхъ спасителемъ обваренной собаки является какой-нибудь корякъ, который выбросивъ собаку за юрту, преспокойно спускается внизъ и съ наслажденіемъ хлѣбаетъ рыбную уху съ приваркомъ изъ собачьей шерсти.—Всѣ деревни коряковъ съ виду похожи одна на другую: такія же юрты на подобіе X, тѣ же коническіе балаганы на сваяхъ и байдары или большія лодки, обтянутыя тюленьей кожей, лежащія на берегу, служатъ общей характеристикой коряцкихъ поселковъ.—Печальна участь дѣтей, родившихся въ коряцкой юртѣ. Пока они не вырастутъ на столько, чтобы самими взобраться по шесту на верхъ на 20 футовую

высоту, до тѣхъ поръ они не видятъ свѣту божьяго; такъ какъ солнечный лучъ заглядываетъ въ ихъ юрты всего одинъ разъ въ годъ, въ іюнѣ. Вообще говоря, бритоголовые осѣдлые коряки принадлежатъ къ некрасивой, тупой и упрямой расѣ, обладающей къ тому довольно терпѣливой хитростью, образцемъ которой можетъ служить слѣдующій случай: однажды, будучи проводниками Кеннана и видя, что онъ ѣстъ маринованный огурецъ, они попросили у него дать имъ кусокъ, чтобы попробовать это новое, совершенно незнакомое для нихъ кушанье. Кеннанъ далъ одному изъ нихъ огурецъ и всѣ товарищи его смотрѣли, притаивъ дыханіе какъ онъ подносилъ огурецъ ко рту. Съ минуту на лицѣ пробовавшаго выражалось удивленіе, недоумѣніе и отвращеніе къ непривычному для него вкусу; видно было, что онъ готовъ выплюнуть откушенный кусокъ, но, превозмогши себя, онъ чмокнулъ губами, сказавъ: «*акель немелькинъ*» очень хорошо, и передалъ сосѣду. Тотъ, какъ и всѣ остальные, послѣдовательно самымъ серьезнымъ образомъ разыграли, начатую товарищемъ ихъ, комедію. Но, когда хитрить дальше было не для кого, то они разразились единодушнымъ омерзеніемъ и начали выплевывать только что расхваленный огурецъ. Усиленное плеванье, кашель, умываніе рта слѣгомъ были слѣдствіемъ желанія обмануть товарищей, какъ былъ самъ обманутъ предшественникомъ.

Племя независимыхъ *чукчей*, кочующихъ въ сѣверо-восточной Сибири, почти тождественное кочевымъ корякамъ, можетъ служить образцемъ первобытной представительности и изящества въ обращеніи. *Чукчи* и до сихъ поръ не утратили къ русскимъ недовѣрія. Враждебность ихъ и недовѣріе къ русскимъ промышленникамъ снабжающимъ ихъ табакомъ выражалось прежде въ томъ, что при обмѣнѣ мѣховъ и морже-

выхъ клыковъ, они вѣшали на остріе полированнаго копья и подавали на немъ русскому торговцу, который обязанъ былъ повѣсить на копье соотвѣтственное количество товара. Могущественная сила остраго клинка, находящагося въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ груди дѣлала русскаго торговца такимъ благонамѣренно честнымъ, какимъ только можетъ быть человѣкъ подъ вліяніемъ страха смерти отъ мстительности свирѣпаго дикаря.

Чукчи—народъ здоровый и сильный—высокаго роста, и очень ловки. Они долговѣчны. При воинственныхъ наклонностяхъ въ характерѣ и страсти къ торговлѣ, они гостепріимны, справедливы, честны и здравомыслящи. Кто разъ пріобрѣлъ себѣ друга между Чукчами, тотъ всегда можетъ на него положиться. Врага же они преслѣдуютъ безъ милосердія, и кровавую месть считаютъ священною обязанностью. Жилища, одежда, обычаи и неопрятность у нихъ тѣ же, что и у коряковъ. Татуировка употребляется только замужними женщинами, которыя все представляются пестрыми. Юрты свои они разбиваютъ въ долинахъ, и на всѣхъ окрестныхъ высотахъ ставятъ часовыхъ, которые при малѣйшемъ подозрѣніи и опасности, съ быстротою стрѣлы стремятся въ долину, призывая мужчинъ къ оружію. Каждый изъ нихъ умѣетъ владѣть оружіемъ, которое они постоянно носятъ при себѣ, а слѣдовательно каждую минуту готовы къ защитѣ и битвѣ. Оружіе ихъ состоитъ изъ луковъ, коней, длинныхъ тяжелыхъ ножей и ружей, а для защиты тѣла отъ вражескихъ ударовъ, они носятъ панцири изъ китоваго уса или же изъ моржевой кожи. Военныя игры и упражненія бываютъ у нихъ при общественныхъ праздникахъ, во время которыхъ стрѣльба въ цѣль, схватки на ножахъ и копьяхъ, достойны полнаго вниманія, и трудно

превзойти ихъ въ храбрости и ловкости. Побѣдители во время праздничныхъ пировъ сажаются на первыхъ мѣстахъ, а побѣжденные на послѣднихъ. Много женство у Чукчей—явленіе обыденное. На женщинъ они смотрятъ какъ на цѣнное украшеніе юрты, и каждый мужъ гордится числомъ своихъ женъ. Подобно Корякамъ, Чукчи обязаны отработывать за своихъ женъ, изъ которыхъ любимая только пользуется преимуществами жены, остальные же ничто иное, какъ работницы. Гостей своихъ Чукчи принимаютъ въ пологахъ своихъ юртъ, гдѣ спутникъ Врангеля—г. Матюшкинъ нашель страшный чадъ, происходящій отъ горѣнія китоваго жира въ неугасаемой лампѣ и запахъ отъ почти голыхъ членовъ семьи, сидѣвшихъ на полу. Нисколько не стѣсняясь отсутствіемъ одежды, хозяйка и ея дочь любезно встрѣтивъ гостя и для соблюденія чукотскаго приличія— вмѣсто того, чтобы набросить на себя какое бы то ни было платьѣ, — начала вплетать въ свои, намазанные жиромъ волосы, нити бусъ. Своихъ гостей Чукчи принимаютъ радушно и для угощенія ихъ у нихъ всегда найдется кусокъ оленины, приправленной прогорклымъ китовымъ жиромъ *). Количество оленей у нѣкоторыхъ чукчей бываетъ такъ велико, что хозяева не знаютъ имъ счета. Трифионовъ встрѣчалъ здѣсь такія громадныя стада, что ихъ нельзя было обнять взглядомъ. Сторожами стадъ бывають обыкновенно или потерявшіе своихъ оленей (осѣдлые) Чукчи, или же искатели невѣсть, какъ это мы видѣли уже у Коряковъ. Богатые Чукчи всегда помогаютъ бѣднымъ своимъ соплеменникамъ, то съѣстными припасами, то одеждой. И гостей своихъ не отпускаютъ безъ подарковъ: если же прибудетъ почет-

*) Умѣніе портить китовый жиръ, считается важнымъ достоинствомъ чукотскихъ стрянухъ.

ный и уважаемый гость, то бойнѣ оленей нѣтъ конца и пиръ длится во все время пребыванія гостя, ради котораго хозяинъ приглашаетъ окрестныхъ своихъ знакомыхъ. Непремѣннымъ лицомъ на каждомъ праздникѣ считается шаманъ, который при этомъ приноситъ жертву богамъ и дѣлаетъ разныя заклинанія. Если случается преступникъ, то наказаніе или порицаніе постигаетъ его тоже на подобныхъ пирахъ, сопровождаемыхъ всегда играми, плясками и т. п. Не безынтересно взглянуть на чукотскихъ красавицъ, съ головы до ногъ закутанныхъ въ неуклюжія жесткія шубы, когда онѣ, сомкнувшись въ тѣсный кружокъ, не сходя съ мѣста, двигаютъ взадъ и впередъ ногами, размахивая при этомъ руками и воспроизводя глупѣйшія гримасы. Въ заключеніе нашего очерка Чукчей не мѣшаетъ замѣтить, что у нихъ, какъ и у Коряковъ, умирающихъ убиваютъ, если они не въ силахъ сами лишить себя жизни.—Сродство въ языкѣ, привычкахъ, нравахъ и обычаяхъ Чукчей и Коряковъ, яско указываютъ на то, что въ отдаленныя времена эти два нынѣ отдѣльные племена составляли одинъ народъ, раздѣлявшійся на 2 части въ силу географическаго положенія занимаемыхъ ими мѣстностей. Ведущіе, подобно Чукчамъ, кочевой образъ жизни, *Ломуты* не похожи на своихъ сосѣдей *чукчей*, а напоминаютъ тунгусовъ. Они съ виду очень похожи другъ на друга, стройны съ прямыми черными волосами, темно-оливковымъ цвѣтомъ кожи, узкими, косо прорѣзанными глазами и безъ бороды. Ломутовъ въ краѣ очень не много; своимъ образомъ жизни и нравами они не отличаются отъ тунгусовъ, но далеко не такъ многочисленны какъ первые, распространившіеся по всей Сибири. Въ продолженіи 2-хъ лѣтней перекочевки Кеннана по сѣверо-восточной Сибири ему уда-

лось встрѣтить здѣсь не болѣе 3-хъ 4-хъ ломутскихъ бочевокъ.

Якуты живутъ въ западной части края, примыкающей къ такъ называемому, Якутскому краю, въ составъ котораго входитъ вся мѣстность орошаемая р. Леной и ея притоками. По языку это племя до того родственно туркамъ, что будто бы, житель Якутска легко понимаетъ константинопольскаго османа. Якуты обладаютъ выносливой-энергической натурой и недаромъ Врангель называлъ ихъ *«жельзными людьми»*. Кеннану случалось видѣть ихъ при 40° мороза спокойно стоящихъ на улицѣ въ одномъ только овчинномъ полушубкѣ и притомъ смѣющихся и разговаривающихъ между собою, какъ въ прекрасный лѣтній день, среди благораствореннаго, воздуха. О изворотливости и предприимчивости этого племени краснорѣчиво говоритъ сибирская поговорка: *«если раздѣтъ якута до нага и въ такомъ видѣ оставить его среди обширной, безлюдной пустыни, то, возвратившись къ нему чрезъ годъ, можно найти у него полное хозяйство съ хорошо устроеннымъ домомъ, скирдами хлѣба сѣна и табунномъ лошадей и скота»*. Въ удобныхъ для земледѣлія мѣстахъ по Ленѣ они занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, а на крайнемъ сѣверѣ оленеводствомъ и рыбной ловлей. Всѣ они въ совершенствѣ владѣютъ топоромъ, при помощи котораго сооружаютъ дома съ оконницами, дверями и панелями. Любимой пищей земледѣльческихъ якутовъ служитъ черный хлѣбъ, молоко, масло и конина. Болѣе другихъ инородцевъ, сблизившись съ русскими, они приняли ихъ обычаи и религію, хотя сохранили свой языкъ, и до того любить его, что даже русскіе, живущіе въ Якутскѣ, говоря постоянно съ ними по якутски, забываютъ свой родной языкъ.

Господствующее племя въ краѣ, Русскіе довольно малочисленны. Они разсѣяны подлѣ деревень камчадаловъ и по городамъ, и занимаются вмѣстѣ съ нѣмцами и американцами торговлей и сборомъ пушныхъ мѣховъ. Количество ихъ замѣтно увеличивается вмѣстѣ съ обрусеніемъ камчадаловъ, чуванцевъ и юкагировъ. *Чуванцы* и *Юкагиры*, примкнувшіе къ русскимъ завоевателямъ сѣверо-восточнаго края, были уничтожены свободолюбивыми чукчами, воевавшими съ казаками. Оставшіеся въ живыхъ, потерявши своихъ оленей и имущество, должны были оставить кочевую жизнь и поселиться вмѣстѣ съ русскими промышленниками. Обычай и нравы ихъ исчезаютъ и замѣняются русскими, и чрезъ нѣскольکو лѣтъ исчезнутъ послѣдніе остатки ихъ языка.

Ознакомившись съ характеромъ населенія въ краѣ, главное средоточіе и управленіе которымъ находится въ рукахъ Петропавловскаго исправника, или областного начальника въ Камчаткѣ мы извлечемъ изъ записокъ г. Кеннана все то, что можетъ ознакомить насъ съ болѣе населенными пунктами, которыхъ, за исключеніемъ камчадалскихъ деревушекъ и Петропавловска, въ этомъ обширномъ краѣ очень немного:

Тигиль на западномъ берегу Камчатки и на восточномъ берегу Охотскаго моря.

Гижигинскъ въ сѣверо-западной части полуострова у сѣверныхъ берегахъ Охотскаго моря.

Анадырскъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ.

Пенжина на берегу рѣку того же имени, впадающей въ Пенжинскій заливъ Охотскаго моря, находится на половинѣ пути отъ Гижигинска къ Анадырску.

Тигиль послѣ столицы Камчатки, Петропавловска,

самое населенное и самое важное поселеніе на полуостровѣ; оно служитъ главнымъ торговымъ центромъ всего западнаго берега Камчатки. Одинъ русскій пароходъ и одно американское судно каждое лѣто приходятъ въ устье р. Тигиля съ грузомъ ржаной муки, чаю, сахару, платья, мѣдныхъ котловъ, табаку и крѣпкой русской водки. Отсюда эти товары расходятся по всему полуострову.

Гижигинскъ имѣетъ около 400 жителей, изъ которыхъ на 100 мужчинъ приходится всего 89 женщинъ. Красные верхи здѣшней церкви и колокольни отрадно бросаются въ глаза истомленнаго долгимъ путемъ и зимней стужей туриста, 800 верстъ пространства отдѣляютъ Гижигу отъ Охотска на западномъ берегу Охотскаго моря и столько же отъ Анадырска на сѣверо-востокѣ. Въ началѣ іюня всѣ жители города за исключеніемъ исправника и нѣсколькихъ русскихъ купцовъ запираютъ свои магазины и переселяются на берега рѣкъ въ лѣтнія рыболовныя стоянки въ ожиданіи появленія *семги*; съ виду *Гижига* представляетъ маленькое селеніе изъ 50—60 бревенчатыхъ домовъ, на лѣвомъ берегу рѣки Гижиги верстахъ въ 15 отъ залива. Сюда ежегодно приходитъ казенный пароходъ и нѣсколько американскихъ каравелъ. Почва и климатъ допускаетъ воздѣлываніе огородныхъ овощей, а окрестности избилуютъ дичью.

Изъ Гижигинска въ Охотскъ путь лежитъ чрезъ корякское поселеніе Ямскъ, лежащее въ 300 верстахъ отъ Гижигинска. На этомъ пути нѣтъ такихъ безконечныхъ пустынныхъ равнинъ, какъ между Гижигой и Анадырскомъ; напротивъ весь берегъ Охотскаго моря на 600 верстъ западнѣе Гижиги состоитъ изъ суровыхъ обрывистыхъ, почти непроходимыхъ горъ, прорѣзанныхъ глубокими долинами и

ущельями, и густо поросших сосновыми и лиственными лѣсами. *Становой хребетъ*, опоясывающій Охотское море отъ самой китайской границы, тянется возлѣ самаго берега; и между его боковыми отрогами спускаются сотни маленькихъ рѣчекъ и потоковъ, протекающихъ къ морю по глубокимъ и лѣсистымъ долинамъ. Дорога изъ Гижиги пересѣкаетъ всѣ эти рѣчки и боковые отроги подъ прямыми углами, проходя почти по срединѣ между главной цѣпью и моремъ. Большая часть горъ между этими потоками ничто иное, какъ возвышенные обнаженные водораздѣлы, чрезъ которые очень легко переѣхать, и только въ одномъ мѣстѣ въ 150-ти верстахъ отъ Гижиги центральный хребетъ посылаетъ къ морю горный крахъ (въ 2, 500 — 3,000 ф. высоты), который совершенно загораживаетъ дорогу. Но у подножя этого хребта проходить глубокая мрачная *Виллигинская долина*, верхній конецъ которой проникаетъ въ центральную цѣпь Становыхъ горъ и служить проходомъ вѣтрамъ между моремъ и степями. Зимою, когда вода Охотскаго моря теплѣе, чѣмъ снѣжныя равнины на сѣверѣ горъ, теплый воздухъ поднимается вверхъ, а холодный чрезъ *Виллигинскую долину* стремится къ морю. Лѣтомъ же, когда морская вода охлаждается еще глыбами пловучаго льда, холодный вѣтеръ съ моря стремится чрезъ эту долину, на обогрѣтую почти постояннымъ солнцемъ, сѣверную равнину. Отъ этого то, несмотря на повсемѣстное затишье въ *Виллигинскомъ проходѣ* вѣтеръ дуетъ какъ настоящій ураганъ, срывая огромныя массы снѣга съ горныхъ склоновъ и унося ихъ въ открытое море. Въ народѣ Виллигинская долина слыветъ подъ именемъ «*бурнаго ущелья*».

Анадырскъ, основанный въ началѣ XVIII вѣка казаками промышленниками почти у самаго полярна-

го круга, долго былъ неизвѣстнымъ для русской администраціи, какъ и другіе глухіе поселки сѣверной Сибири. Онъ состоитъ изъ 4-хъ маленькихъ поселеній, въ которыхъ живутъ русскіе, чуванцы и юкагиры. Отрѣзанный отъ образованнаго міра и только изрѣдка посѣщаемый торговцами — этотъ городокъ пользуется полною самостоятельностью. Послѣ своего основанія Анадырскъ нѣсколько разъ страдалъ отъ нападеній Чукчей; пока страсть къ табаку не побудила ихъ прекратить нападенія на городъ, замѣнивъ его ежегодными посѣщеніями для обмѣна мѣховъ и моржевыхъ клыковъ на табакъ. Въ четырехъ поселкахъ, составляющихъ Анадырскъ, обитаетъ всего около 200 человѣкъ. Во внутреннемъ поселкѣ, называемомъ Марково, живетъ священникъ и находится маленькая церковь не затѣйливой архитектуры. Маленькіе бревенчатые домики Анадырска не имѣютъ оконныхъ стеколъ, которыя замѣняются здѣсь толстыми плитами льда, наколотыми на рѣкѣ. Большинство избъ для теплоты врыты въ землю до половины, а зимою всѣ засыпаются снѣгомъ. Густая роща лиственницъ и осинъ окружаетъ городъ. Жители занимаются рыбной ловлей и охотою за дикими оленями, которые ежегодно огромными стадами переходятъ черезъ рѣку. Зимой большинство населенія бываетъ въ разбродѣ — одни отправляются, для мѣноваго торга къ кочующимъ чукчамъ, — другіе нанимаются въ услуженіе русскимъ купцамъ изъ Гижигинска. Берега Анадыри, какъ подлѣ поселенія такъ и верста на 100 выше, покрыты, не смотря на 66° широту, густыми лѣсами, деревья которыхъ достигаютъ до 24-хъ футовъ обхвата. Тѣмъ не менѣе климатъ здѣшній очень суровъ и морозы въ 50° , 60° и даже 68° въ февралѣ довольно обыкновенны. Не менѣе рѣзокъ переходъ отъ холо-

да къ теплу, такъ: 18-го февраля термометръ показывалъ 52° холоду, а чрезъ 27 часовъ ртуть поднялась на 73° и показывала 21° тепла; 21-го февраля термометръ показывалъ 3° тепла а 22-го 49° холода. Что зависитъ отъ переменчивости вѣтровъ, изъ которыхъ юго-восточный приноситъ тепло а сѣверо-западный холодъ.

Отъ неудачнаго лова *лосося* (семги) въ Анадырскѣ, въ послѣдній годъ пребыванія Кеннана въ Комчаткѣ, начался страшный голодъ: часть жителей и почти всѣ собаки погибли и поселеніе опустѣло совершенно. Часть жителей ушла къ сосѣднимъ чукчамъ; а тѣ немногіе, которые остались въ селеніи, ѣли сапоги и обрѣзки оленьихъ шкуръ, чтобы поддержать скорбное существованіе. Существованіе жителей Анадырска, какъ и другихъ русскихъ поселеній въ сѣверной Сибири, зависитъ отъ рыбы, заходящей въ рѣки для метанія икры. Пока странствованія рыбы совершаются правильно, — туземцамъ не трудно запастись себѣ обильную пищу на зиму; но, къ сожалѣнію, разъ въ 3—4 года рыба не заходитъ въ Анадырь, и тогда слѣдующая зима приноситъ съ собою неминуемый голодъ. Огромныя разстоянія, отдѣляющія селенія одно отъ другаго, и отсутствіе всякихъ средствъ къ сообщенію лѣтомъ, предоставляетъ каждое селеніе самому себѣ, и дѣлаетъ невозможной всякую помощь и своевременную поддержку. Первой жертвой голода бывають обыкновенно собаки, смерть которыхъ лишаетъ населеніе послѣдняго средства къ переѣзду, и оно, поѣвъ всѣ ремни и обрѣзки кожъ умираетъ отъ недостатка пищи. — Беззаботность и безпечность населенія побудила правительство образовать въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ сберегательныя склады, или рыбныя магазины. Въ Анадырскѣ не бы-

ло въ то время подобнаго магазина и населеніе гибло безъ всякой помощи.

Пенжина на сѣверномъ берегу рѣки того же имени, состоитъ изъ нѣсколькихъ бревенчатыхъ домиковъ, юртъ съ плоскими крышами и балагановъ на 4-хъ столбахъ. Кромѣ русскихъ мѣщанъ здѣсь, какъ и въ Анадырскѣ живутъ чуванцы, забывшіе свой языкъ въ пользу русскаго, и промышляющіе рыбной ловлей и пушной торговлей. Съ сѣвера поселокъ защищенъ отвѣсною скалой, около 15 сажень высоты на которой красуется крестъ. Благодаря теплымъ ключамъ въ руслѣ рѣки, она не замерзаетъ никогда, даже при 40° морозахъ, а берега ея поросли густымъ лѣсомъ изъ березы, лиственницы, тополя, ивы и осины.

Теперь перейдемъ къ обзорѣнїю природы Камчатки и ознакомимся съ тѣми особенностями этого края, которыя рѣзко бросаются въ глаза, и поражаютъ новизной путешественника. Еще въ первые дни своего выѣзда изъ Петропавловска на сѣверъ, Кеннанъ писалъ, что въ продолженіе всей его жизни не было поѣздки, которая доставила бы ему столько удовольствія, какъ путешествіе верхомъ по цвѣтушимъ холмамъ и зеленымъ долинамъ южной Камчатки. «Мы — писалъ онъ — находились въ самой дикой и живописной мѣстности всей сѣверной Азии и испытывали въ первый разъ новизну и возбужденіе кочевой жизни. Наслаждаясь невѣдомымъ намъ ощущеніемъ свободы и совершенной независимости, мы безъ сожалѣнїя отвернулись отъ цивилизаціи и весело привѣтствовали дикую страну, оглашая холмы нашими пѣнями и криками» ..

Картина, которая представилась нашимъ путешамъ на другой день по выѣздѣ изъ Петропавловска, была живописна и величественна: громадный бѣлый

Вилегинскій конусъ красовался всѣми цвѣтами радуги въ сѣроватомъ разсвѣтѣ утра. Зарево востока становилось все ярче и ярче, и вся природа, казалось, начала просыпаться. Позади наблюдателей футовъ на 10,500 н. м. у. возвышалась въ снѣговомъ покровѣ остроконечная вершина *Коряжовой горы*, — немного правѣ пыхтѣла золотистымъ дымомъ *Авачинская сопка*, и рядомъ съ ней *Розельская сопка* выбрасывала темные пары изъ трехъ своихъ кратеровъ. Верстахъ въ 50-ти далѣе виднѣлась остроконечная *Вилегинская гора*, освѣщенная утреннимъ блескомъ, а за нею синѣли туманные очертанія береговой линіи. Туманъ лежалъ клочьями на склонахъ горъ, и исчезалъ подобно лучезарнымъ призракамъ; розоватый свѣтъ восходящаго солнца мало по малу освѣщала снѣжные склоны горъ и, наконецъ, въ одно мгновеніе яркій потокъ свѣта разлился по долинѣ, превращая каждую каплю росы въ роскошный брильянтъ, и постепенно освѣщая дремлющія воды рѣки, пока онѣ не превратились, наконецъ, въ блестящую расплавленную массу серебра... Когда вскорѣ послѣ этого нашимъ путешникамъ приходилось проѣзжать мимо горной цѣпи, которая утромъ представляла въ отдаленіи такой живописный видъ; то общее впечатлѣніе, производимое ею, благодаря рябиновымъ и березовымъ рощамъ, покрывавшимъ холмы у ихъ подножія, измѣнилось совершенно; и нашимъ путешникамъ удавалось видѣть снѣжныя вершины только между верхушками деревьевъ.

Пробираясь между нагорныхъ лѣсовъ, Кеннанъ писалъ: «теплый лѣтній день; необыкновенная тишина и какое-то праздничное спокойствіе царствуетъ во всей природѣ. Листья березъ и ольхи, разсѣянные по обѣимъ сторонамъ тропинки, не шелохнутся подъ

теплыми лучами солнца; сонливое карканье вороны на далекой лиственницѣ долетаетъ съ поразительной отчетливостью. Казалось, даже, что можно было различать правильный приборъ волнъ на отдаленномъ берегу. Въ воздухѣ слышалось жужжаніе пчелъ, а красныя кисти брусники, которую лошади топтали своими копытами на каждомъ шагу, распространяли вокругъ себя благоуханіе. Все манило усталого путника растянуться на душистой, согрѣтой солнцемъ, травѣ, — и пролежать тамъ цѣлый день въ сладкомъ бездѣйствіи, которое изрѣдка могло быть нарушено комаромъ, достигающимъ въ этомъ краю величины шмеля. Въ дальнѣйшемъ пути своемъ къ сѣверу, къ камчадалской деревушкѣ, *Малквѣ*, наши путники проѣзжали чрезъ узкія ущелья, заваленныя обломками утесовъ и, вырванными съ корнями, деревьями. Путь ихъ въ этомъ мѣстѣ проходилъ черезъ болота, поросшія мхомъ, и черезъ крутые обрывы, на которые наши скитальцы не рисковали взбираться верхомъ. «Падающіе ящики съ провизіей нѣсколько разъ разбивались о деревья и погружались въ трясины; подпруги лопались; лошади падали, проводники бранились и т. п. Въ сумерки имъ удалось завидѣть вдали *столбъ бѣлыхъ испареній*, образываемыхъ горячими родниками Малквы. Эта деревушка расположена на сѣверномъ покатомъ берегу рѣки Камчатки и защищена съ сѣвера невысокими гранитными горами, отъ которыхъ далѣе къ сѣверу начинается извѣстная своимъ плодородіемъ *Генульская*, длинная, узкая долина, имѣющая до 50 верстъ въ длину и до 5 въ ширину. Съ обѣихъ сторонъ она окаймлена снѣжными цѣпями горъ; а по срединѣ ея между береговъ, покрытыхъ роскошною травой протекаетъ небольшая рѣченка, *Генуль*. «Ни въ Калифорніи ни въ Нева-

дѣ я не видалъ, чтобы такія отличительныя черты зимы и лѣта, какъ снѣгъ и розы, голый гранитъ и ярко освѣщенная листва, представляли такое гармоническое соединеніе, какъ въ Генульской долинѣ въ солнечный день ранней осени». Вообще картины, встрѣчающіяся Кеннану на этомъ пути, побудили его выразить такъ: «если бы я когда нибудь ѣхалъ по Рейну или видѣлъ восходъ луны надъ Неаполитанскимъ заливомъ, я, можетъ быть, не приходилъ бы въ такой восторгъ отъ камчатскихъ видовъ; но, въ сравненіи съ тѣмъ, что я видѣлъ до сихъ поръ, — горныя мѣстности южной и средней Камчатки казались мнѣ восхитительными»...

Черезъ 11 дней по выѣздѣ изъ Петропавловска на сѣверъ наши путники прибыли къ «Ключамъ» — камчадалской деревушкѣ, расположенной на правомъ берегу рѣки Камчатки, у самаго подножія величавой *Ключеской сопки*. Эта деревушка, расположена по срединѣ группы величественныхъ одинокихъ вершинъ, изъ которыхъ двѣ извергаютъ густыя облака чернаго дыма, основана въ половинѣ прошлаго столѣтія нѣсколькими русскими крестьянами, высланными изъ внутреннихъ губерній Россіи. По прибытіи въ Камчатку, они поселились подъ кровомъ дѣйствующаго вулкана, и, не смотря на частыя изверженія какъ своего патрона, такъ и его сосѣда, они и не думаютъ о переселеніи, не смотря даже на то, что ихъ деревня и поля не разъ засыпаемы были массами пепла. Они и не подозреваютъ опасныхъ послѣдствій, какихъ всегда возможно ожидать отъ густаго облака дыма, висящаго въ ясную погоду надъ тупой вершиной *Ключеской сопки*, или отъ подземнаго грома, которымъ его меньшій, но не менѣе опасный, сосѣдъ заявляетъ о своей бдительности въ долгія зимнія ночи.

Ключевская сопка—это одинъ изъ самыхъ высокихъ и самыхъ дѣятельныхъ вулкановъ на берегахъ Тихаго океана. Съ XVII вѣка рѣдкій годъ проходитъ безъ изверженій и даже въ послѣднее время отъ поры до времени выбрасывается пламя и засыпаетъ пепломъ весь полуостровъ и прилежащія къ нему взморья Тихаго океана и Охотскаго моря. Зимною снѣгъ бываетъ засыпанъ пепломъ верстъ на 40 вокругъ Ключей такъ,—что ѣзда на саняхъ дѣлается почти невозможной. По словамъ поселенцевъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, среди темной зимней ночи изверженіе началось колебаніемъ почвы и подземными ударами, разбудившему ключевскихъ жителей. Высоко на темномъ небѣ поднимался надъ кратеромъ огненный столбъ, окаймленный громаднымъ облакомъ блестящаго красноватаго дыма. Среди страшнаго грома и тусклаго свѣта изнутри жерла жидкая лава широкими огненными потоками текла по бокамъ покрытой снѣгомъ горы, пока не соединилась въ одну пылающую массу, подобно солнцу освѣтившую сосѣднія деревни, и озарившую окрестность верстъ на 40 въ окружности. Рассказывали Кеннану, что это изверженіе покрыло слоемъ пепла весь полуостровъ на протяженіи 300 верстъ, до полутора дюйма въ толщину... *Ключевская сопка* превышаетъ 16,000 ф. н. п. м., и имѣетъ видъ довольно правильнаго конуса; отъ нея идетъ неправильно прерывающійся кряжъ на юго-востокъ, соединяющій ее съ другимъ болѣе низкимъ вулканомъ, постоянно выбрасывающимъ клубами чернѣйшій дымъ, застилающій иногда величавую *Ключевскую сопку*... Всѣ особенности природы въ окрестностяхъ Ключей исчезаютъ передъ величавымъ вулканомъ, остроконечная вершина котораго со своимъ неподвижнымъ облакомъ дыма виднѣется, верстъ на полтора въ

окружности. Возвышаясь въ своемъ снѣжномъ саванѣ надъ окрестной холмистой страной и надъ зелеными долинами рѣкъ Камчатки и Толовки ея притока, вливающего свои воды въ Камчатку съ сѣвера, этотъ громадный вулканъ во всякое время оживляетъ окружающіе окрестности. То стоитъ онъ залитый теплыми лучами осенняго солнца; то облекается въ густыя массы чернаго вулканическаго дыма и глухимъ гуломъ напоминаетъ о своей жизненности окрестнымъ поселянамъ; то, собирая къ вечеру вокругъ своей вершины облака сѣраго тумана и, развертывая его по своимъ склонамъ, представляетъ среди прозрачной атмосферы колоссальный туманный столбъ, который возвышается надъ сосновыми лѣсами, растлающимися на 75 квадратныхъ верстѣ. Какъ ни роскошна картина вулкана при восходѣ и закатѣ солнца, когда вершина его съ восточной или западной стороны окрашивается нѣжно розовымъ цвѣтомъ, напоминающимъ лепестки пиновника; но стоитъ взглянуть на этого колосса при блѣдномъ свѣтѣ луны, когда его туманный покровъ окаймится серебрянымъ отливомъ, — когда черная тѣнь застелетъ его овраги, — когда верхушка заблеститъ бѣловатымъ свѣтомъ, а куча созвѣздій опояшетъ его высокій кратеръ, — когда серебрянная цѣпь плеядъ замерцаетъ надъ его вершиной, и каждый можетъ убѣдиться въ томъ, что перемѣна фона и деталей не измѣняетъ величія этой роскошно-живописной картины.

Однажды вечеромъ — рассказываетъ Кеннамъ — наше вниманіе было вдругъ привлечено глухимъ гуломъ, подобнымъ отдаленному грому, иногда сопровождаемымъ взрывами: «Что это?» спросилъ начальникъ экспедиціи одного изъ сопровождавшихъ его казаковъ.

— Это Ключевская сопка разговариваетъ съ Су-

вайлической вершиной. — Въ настоящее время Сувайлическая гора принадлежит къ числу потухшихъ вулкановъ. Была пора — замѣчаетъ Кеннанъ — когда вулканы въ Камчаткѣ были такъ многочисленны, какъ рыцари круглаго стола короля Артура, и полуостровъ содрогался отъ ихъ грохота, когда они разыгрывались среди полуночи, но, одинъ за другимъ, они истощили огненный потокъ своего собственного краснорѣчія, пока не осталась одна Ключевская, которая взываетъ къ своимъ прежнимъ товарищамъ среди безмолвія длинныхъ зимнихъ ночей; но не получаетъ другаго отвѣта, кромѣ слабаго далекаго отклика своего собственного могучаго голоса». Проявленія вулканической силы въ краѣ довольно обыкновенны и иногда влекутъ за собою интересные послѣдствія — такъ деревянный соборъ г. Петропавловска въ 30-тыхъ годахъ началъ было отъ дряхлости склоняться къ паденію; но землетрясеніе 6-го мая 1841 года, по увѣренію Бутакова, возстановило его въ надлежащее положеніе. Это землетрясеніе было такъ сильно, что колокола въ Петропавловскѣ звонили сами собой, трубы и печи большей части домовъ развалились, море нѣсколько разъ отступало и возвращалось снова съ такою силою, что грозило затопить портъ. Не менѣе достойно вниманія и то, что, благодаря вулканической почвѣ и дѣйствию подземнаго огня, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «этого края прозябательная сила не теряетъ своей жизненности даже подъ давленіемъ сѣверныхъ морозовъ. Такъ, вблизи теплаго озера картофель, посѣянная въ незапамятныя времена, родится непрерывно, какъ лѣтомъ, такъ и зимой безъ посѣва, требуя лишь, для полного своего развитія, разрыхленія почвы одинъ разъ въ годъ. Надъ этимъ мѣстомъ снѣгъ истаяваетъ отъ внутренней теплоты, и

образуетъ надъ нимъ родъ свода, изъ-подъ котораго по увѣренію Бутакова, во всякое время можно получить превосходный картофель.

Къ сѣверу отъ Ключевской, путь преграждается рядомъ высокихъ горъ, пересѣкавшихъ долину. Это былъ центральный кряжъ *Саманскихъ горъ*. Березовыя рощи покрываютъ горный склонъ до половины, выше ихъ тянутся кустарники за которыми виднѣются только черные утесы, на которыхъ даже оленій мохъ не могъ пустить своихъ корней. При переѣздѣ чрезъ эти горы Кеннана и его спутниковъ застигла сильная снѣжная вьюга, и природа быстро облачилась въ свой зимній нарядъ. Снѣгъ покрылъ долину фута на три... Выѣхавъ изъ долины, они не успѣли сдѣлать и 200 шаговъ, какъ были остановлены сильной сѣверо-восточной *пургой*, которая забросала ихъ массами снѣга съ горныхъ скатовъ—земля и небо смѣшались въ одинъ общій хаосъ и исчезли въ огромномъ бѣломъ вихрѣ снѣга; къ тому еще предстоялъ крутой и утесистый подъемъ: путники должны были спѣшиться и осторожно пробираться чрезъ глубокіе рыхлые сугробы и острыя выдававшіяся скалы. Высота снѣга во многихъ мѣстахъ доходила имъ до пояса. Поднявшись на высоту 2,000 ф. н. у. м., они едва могли бороться съ яростью вѣтра; густыя массы снѣга не позволяли различать предметовъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ; по временамъ черный неприступный, вулканическій утесъ показывался въ бѣломъ туманѣ надъ ихъ головами, какъ бы повиснувъ на воздухѣ, и придавая на мгновеніе окружающей мѣстности поразительно дикій видъ, снова исчезалъ въ вихрѣ снѣга. Длинная бахрома сосулекъ украшала козырки шапокъ, и платье, промоченное вчерашнимъ дождемъ, превратилось въ

твердую ледяную броню. Лошади отказались идти противъ вѣтра, и наши путники, то спускаясь въ долины, то подымаясь на хребты, потеряли дорогу окончательно, и только при помощи компаса имъ удалось выбраться изъ непривѣтливыхъ горъ. Во время этого переѣзда Кеннану удалось наблюдать явленіе, о которомъ рассказываетъ *Тиндаль* въ «*Альпійскихъ ледникахъ*» — это голубоватый свѣтъ, который, кажется, наполняетъ каждое маленькое углубленіе въ снѣгѣ. Дыра въ снѣгѣ, сдѣланная длинной лонкой палкой, такъ свѣтилась, какъ будто была наполнена темно-голубымъ паромъ... 3-го ноября — рассказываетъ Кеннанъ, мы поднимались на послѣднюю цѣпь *Саманскихъ горъ* и съ высоты болѣе 2,000 футовъ смотрѣли на однообразное снѣжное пространство, начинавшееся у подошвы того хребта, на которомъ мы находились. Эта громадная снѣжная равнина, вдалькѣ сливавшаяся съ горизонтомъ, служила пріютомъ для *кочевыхъ коряковъ*.

Въ дальнѣйшемъ путешествіи по этой степи, на которой не встрѣчалось ни малѣйшаго признака, отличающаго дорогу отъ бездорожья, проводники — коряки, сопровождавшіе отрядъ, руководились исключительно снѣжными сугробами — застругами. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, господствующій въ этой мѣстности въ продолженіи зимы намечаетъ снѣгъ въ длинныя волнообразныя кучи, слегающіяся всегда перпендикулярно направленію вѣтра, т. е. отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Вновь выпадающій снѣгъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней иногда засыпаетъ ихъ; но опытный корякъ, раскопавъ верхній слой, всегда укажетъ: гдѣ сѣверъ и гдѣ югъ...

Чѣмъ далѣе экспедиція подвигалась на сѣверъ, тѣмъ сокращалась продолжительность дня, и количество свѣта, доставляемаго солнцемъ, дѣлалось все

меньше и меньше. Было ровно 12 часовъ (13 декабря), но солнце все еще казалось восходящимъ, хотя и свѣтило съ юга. Странный сѣрый полусвѣтъ озарялъ пространство. Для людей, незнакомыхъ съ силою зимняго солнечнаго свѣта въ полярныхъ краяхъ, постоянно будетъ казаться, что за разсвѣтомъ солнце поднимется выше и озаритъ страну; но, увы—красное огневидное солнце уходитъ на юго-западъ все далѣе и далѣе — и исчезаетъ въ то время, когда вы ожидаете еще наступленія дня. Пасмурный полусвѣтъ постепенно переходитъ въ мракъ, и чрезъ 3 часа послѣ восхода солнца — звѣзды первой величины ясно рисуются уже на сумрачномъ небѣ. Лѣтомъ картина здѣшняго края совершенно измѣняется. Постоянный дневной свѣтъ также утомителенъ какъ и ночной зимній мракъ. Мы—разсказываетъ Кеннанъ—никогда не могли точно рѣшить, когда кончался одинъ день и начинался другой; не знали также въ какую пору нужно было ложиться спать. Какъ то смѣшно, казалось, готовить постель въ то время, когда свѣтило солнце; а если бы мы легли по заходѣ его, то оно взошло бы прежде, чѣмъ мы бы уснули. Оставалось одно—обманывать себя. заказавъ плотныя деревянныя рамы, мы закрывали ими окна и зажигали свѣчи, хотя на дворѣ солнце сіяло полуденнымъ блескомъ. Проснувшись, являлось новое недоумѣніе: легли ли мы спать вчера, или сегодня?.. Какая теперь была пора?.. Вчера, сегодня, завтра сливались воедино, и почти невозможно бывало отличать ихъ одно отъ другаго....

Ровная, безграничная и утомительная для взгляда мѣстность, по которой экспедиція направлялась къ сѣверу, не имѣла ни деревца, ни кустарника, которые могли бы оживить однообразно-снѣжную ея поверхность. Бѣлый, безмолвный и холодный океанъ

оживлялся лишь полусвѣтомъ солнца, луны и сѣвернаго сіянія.

Восходящее на югѣ, въ мертвомъ туманѣ, огромнымъ огненнымъ шаромъ солнце не даетъ ни теплоты, ни необходимаго свѣта. Оно поглощаетъ своимъ густымъ краснымъ свѣтомъ голубые дрожашіе лучи сѣвернаго сіянія, — между тѣмъ, какъ бѣловатый свѣтъ луны и звѣздъ рисуетъ на сѣверо-западѣ странныя видѣнія: будто массы роскошной зелени наклоняются надъ прозрачною голубою водою и отражаются въ ея глубинѣ, а стѣны дворцовъ и башенъ окрашиваются первыми лучами восходящаго солнца. Изумленный путникъ, сознавая явленіе оптическаго обмана, отворачивается и оглядывается вокругъ себя, чтобы убѣдиться въ обманчивости чувства зрѣнія; но, взглянувъ на сѣверо-западъ, онъ снова видитъ, какъ дрожашія очертанія миража встаютъ передъ его глазами; вновь появляется роскошное озеро, — башни, увѣнчанныя облаками и пышные дворцы своимъ чарующимъ видомъ снова вызываютъ вѣру и невѣріе въ представляющееся явленіе. Лучезарное явленіе блѣднѣетъ, потомъ снова возникаетъ съ прежнею силою и, наконецъ, совершенно исчезаетъ; но на мѣстѣ его исчезновенія появляются два колоссальные столба, верхушки которыхъ, постепенно сближаясь, образуютъ исполинскій сводъ, вмѣсто котораго, въ свою очередь, является обширная крѣпость съ массивными бастіонами, башнями, бойницами, — съ выдающимися и вдающимися углами и съ правильно обрисованной перспективой. Всѣ эти заманчивыя видѣнія, о которыхъ разсказываетъ Кеннавъ, я отношу къ области галлюцинацій, или тѣхъ обманчивыхъ призраковъ, которые создаются въ нашемъ представленіи подъ вліяніемъ перевознаго возбужденія и игриваго полусвѣщенія

Но кромѣ видѣній, имѣющихъ основу въ нашихъ представленіяхъ, здѣсь мы можемъ видѣть и такія, происхожденіе которыхъ обусловливается преломленіемъ лучей въ замерзшихъ парахъ тумана, представляющихъ предметы въ увеличенномъ, часто неправильномъ видѣ — напр. воронъ, стоявшій на сугробѣ снѣга — шагахъ въ 200-хъ отъ Кеннана, показался ему такимъ громаднымъ и уродливымъ, что былъ положительно неузнаваемъ. — Иногда же здѣсь можно видѣть и обыкновенный миражъ, происходящій отъ преломленія лучей въ верхнихъ болѣе плотныхъ слояхъ атмосферы. Такъ, отставъ однажды отъ своей партіи, Кеннанъ былъ пораженъ, увидя длинный рядъ саней, двигающихся быстро въ воздухѣ на высотѣ 8—10 ф. отъ земли. Сани были въ обратномъ видѣ и собаки лежали вверхъ ногами, но ихъ очертанія были такъ ясны, какъ и очертанія настоящихъ саней и собакъ внизу*). Подъ вліяніемъ полусвѣта, галлюцинаціи и преломленія лучей, каждый пустынный бугорокъ, каждый темный предметъ въ снѣгу дѣлается ядромъ самыхъ обманчивыхъ образовъ, — и нашимъ путникамъ не разъ приходилось схватываться за свои карабины, чтобы стрѣлять воображаемыхъ волковъ или черныхъ лисицъ, которые на дѣлѣ были ничѣмъ инымъ какъ обыкновенными воронами.

23-го декабря Кеннанъ со спутниками переѣхалъ на высокой отрогъ *Становой цѣпи*, изъ котораго вытекаетъ рѣка Пенжина. По ту сторону хребта раскинулась обширная равнина, орошаемая рѣкою *Акланомъ*, поросшая замѣчательнымъ хвойнымъ растеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «*кедровника*», у Врангеля — «*низкорослаго кедра*». — Это растеніе похоже отчасти на низкорослую сосну съ замѣ-

*) Объясненіе обыкновеннаго миража читатель найдетъ въ моей статьѣ, помѣщенной въ „Весѣдѣ“ кн. VII за 1871 г.

чательно узловатымъ и искривленнымъ стволомъ, который тянется горизонтально по землѣ, подобно запущенной виноградной лозѣ съ перпендикулярными отростками, торчащими изъ подъ снѣгу. Хвои и шишки этого растенія напоминаютъ сосновыя, но оно никогда не растетъ прямо, подобно дереву, а всегда ползкомъ. Можно проѣхать по мѣсту, густо поросшему такимъ кустарникомъ и едва замѣтить его по нѣсколькимъ пучкамъ зеленыхъ иголь, мѣстами выглядывающихъ изъ подъ снѣга. *Кедровникъ* растетъ на самыхъ пустынныхъ степяхъ и утесистыхъ горныхъ склонахъ отъ Охотскаго моря до Ледовитаго океана, и, чѣмъ бесплоднѣе почва и бури сильнѣе, тѣмъ онъ роскошнѣе. Достигнувъ извѣстнаго возраста, онъ умираетъ, а потому вмѣстѣ съ зелеными колючими хвоеми всегда можно встрѣтить бѣлыя, сухія вѣтви, которыя загораются, подобно труту. *Кедровникъ* служитъ единственнымъ средствомъ къ отопленію кочующимъ корякамъ и чукчамъ и безъ него этотъ обширный полярный край оставался бы безлюднымъ.

Новый 1865-й годъ засталъ Кеннана у подошвы уединенной горы этой пустыни, *Нильгимъ*, вблизи полярнаго круга, при 35° мороза. «Мѣстность возлѣ помянутой горы изобилуетъ малорослой сосной, и мы развели такой огонь, что яркое пламя поднималось столбомъ въ 10 футовъ вышины, хотя и не оказывало особеннаго вліянія на температуру окружающаго воздуха. Наши рѣсницы смерзались, пока мы пили чай, — горячій супъ, налитый прямо изъ котелка, застывалъ въ оловянныхъ тарелкахъ прежде, чѣмъ мы успѣли его съѣсть, — передняя часть нашего платья была покрыта бѣлымъ инеемъ, хотя мы сидѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пылающаго костра. Оловянные тарелки, ножи, ложки, жгли голую

руку, какъ раскаленное желѣзо, а вода вылитая на доску всего въ 2-хъ саженьяхъ отъ огня, превращалась въ ледъ менѣе чѣмъ въ 2 минуты. Но, какъ бы ни былъ великъ морозъ, въ безвѣтренную погоду онъ не страшень; тогда какъ легкій морозъ при сильномъ вѣтрѣ дѣлается не выносимымъ.

Какъ ни сурова природа къ сѣверу отъ Камчатки, но никогда, по увѣренію Кеннана, она не представляла ему такой мрачной картины, какую онъ увидалъ на берегу Берингова пролива. Повсюду виднѣлась голая снѣжная степь съ волнообразными возвышенностями, — нигдѣ не видно было ни деревца, ни куста и лишь тишина и заустѣніе царили надъ этимъ негостепріимнымъ краемъ, который, казалось, былъ оставленъ Богомъ и людьми и отданъ во власть полярнаго духа. Этотъ духъ, казалось забавлялся, восходящей на востокъ, круглой и красной луною, — то растягивая ее въ эллипсисъ, то сжигивая ее въ видѣ красной урны, то вытягивая ее по прямой линіи, или же превращая въ треугольникъ *). Трудно себѣ представить какое чудное и странное впечатлѣніе производила кроваво-красная луна среди этой дикой пустынной мѣстности: «Страшный холодъ, полное уединеніе, подавляющее безмолвіе и красный свѣтъ луны, похожій на зарево далекаго, но огромнаго пожара, — все это вмѣстѣ, возбуждало въ душѣ чувство ужаса, которое увеличилось еще сознаниемъ, что до сихъ поръ ни одно просвѣщенное существо не отваживалось зимою вступить въ этотъ морозный міръ». Единственно художественнымъ наслажденіемъ для путешественника къ этимъ краяхъ служатъ *сѣверныя сіянія*, озаря-

*) Происхожденіе всѣхъ этихъ превращеній луны объясняется той же преломляемостью лучей свѣта въ замерзшемъ туманѣ, которой выше мы объясняли огромные размѣры ворона.

ющія по временамъ мракъ длинной полярной ночи, и наполняющія чуднымъ блескомъ весь голубой сводъ неба.

«26-го февраля, когда мы были въ Анадырскѣ — рассказываетъ г. Кеннанъ — случилось *одно изъ самыхъ роскошныхъ сѣверныхъ сіяній*, когда либо наблюдавшихся въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Оно было такъ ярко, что поражало даже туземцевъ. Была холодная зимняя ночь, и небо ввечеру ничѣмъ не предвозвѣщало о той великолѣпной иллюминаціи, которую оно подготовляло. Наконецъ, нѣсколько свѣтлыхъ полосъ; отъ времени до времени появлявшихся на сѣверѣ, и слабый свѣтъ, похожій на восходящій мѣсяцъ, послужили начальнымъ актомъ фантастической картины... Поздно вечеромъ картина сѣвернаго сіянія представляла безконечное смѣшеніе самыхъ яркихъ и самыхъ ослѣпительныхъ красокъ и свѣта. Весь небосклонъ былъ залитъ огнемъ. Широкая дуга, раскрашенная роскошными цвѣтами призмы онаясывала небо отъ востока до запада подобно исполинской радугѣ съ длинной бахромой малиновыхъ и желтыхъ лучей, простирающихся отъ ея выпуклаго края до самаго зенита. Черезъ короткіе промежутки отъ одной до двухъ секундъ широкіе лучезарныя полосы быстро и величественно проносились черезъ все небо, подобно волнамъ фосфорическаго свѣта. Каждая отдѣльная часть огромнаго свода поминутно дрожала и мѣняла цвѣта; а блестящія полосы, окаймляющія его край, описывали, колеблясь, большія разноцвѣтныя дуги. Черезъ нѣсколько минутъ огромная радуга со всеми своими дрожавшими лучами начала медленно подвигаться къ зениту, и вторая дуга, такая же блестящая, образовалась непосредственно подъ нею, испуская изъ себя рядъ тонкихъ разноцвѣтныхъ стрѣлъ по на-

правленію къ полярной звѣздѣ... Неземное величіе этой картины возрастало съ каждой минутой. Лучезарныя полосы быстро обращались по небу, подобно спицамъ огромнаго свѣтящагося колеса. Лучи приближались и отступали, дрожа, отъ концевъ красная волна поднималась съ сѣвера и заливала все небо потоками свѣта, окрашивая бѣлоснѣжную землю своимъ розовымъ отраженіемъ. Вслѣдъ за этимъ яркій пурпуръ внезапно исчезъ, и блестящая волна оранжеваго цвѣта залила весь горизонтъ. Быстрые переходы краснаго, голубаго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ на небѣ такъ живо отражались на блестящемъ снѣжномъ покровѣ земли, что вся вселенная поочередно представлялась то залитою кровью, то дрожащею въ мертвенно блѣдныхъ, зеленыхъ лучахъ, сквозь которые блестѣли въ чудномъ сіяніи величавыя малиновыя и желтыя дуги. Но въ то время, когда мы слѣдили за быстрыми приливами и отливами небесныхъ волнъ свѣта, обѣ дуги одновременно распались на тысячу параллельныхъ отвѣсныхъ полосъ, изъ которыхъ каждая представляла въ правильномъ порядкѣ всѣ семь основныхъ цвѣтовъ радужнаго спектра, — отъ одного края горизонта до другаго тянулись два громадныя дугообразныя моста изъ цвѣтныхъ полосъ. Эти безчисленныя полосы начали колебаться взадъ и впередъ вдоль всего протяженія обѣихъ дугъ съ такою изумительною быстротой, что невозможно было услѣдить за ними. Казалось, что весь небесный сводъ превратился въ одинъ огромный вертящійся галейдоскопъ изъ обломковъ радугъ. «Мнѣ и не снилось — говорить Кеннанъ — сѣверное сіяніе, подобное тому, какое было въ то время передъ глазами; и я безъ стыда сознаюсь, что величіе его наполнило меня невольнымъ ужасомъ... Все небо сверху до низу представляло одно расплавленное море красокъ и

огня, кармина и пурпура, лазури и малахита, и такихъ цвѣтовъ, для которыхъ нѣтъ словъ въ языкѣ, нѣтъ понятій въ умѣ!.. Послѣ распаденія обѣихъ дугъ на ихъ составныя полосы сіяніе достигло своего крайняго великолѣпія, и съ этого момента его сверхъестественная красота начала медленно, но постоянно уменьшаться; сначала разорвалась первая дуга, а за ней вскорѣ и другая; цвѣтные лучи появлялись все рѣже и рѣже, лучезарныя полосы перестали колебаться по зениту, и черезъ часъ ничего не осталось на темномъ звѣздномъ небѣ, что напоминало бы о сіяніи, кромѣ нѣсколькихъ облачковъ свѣтящагося тумана... Я набросилъ здѣсь только слабыя черты неподражаемой картины. Но будьте увѣрены, что самое вѣрное описаніе, самая пылкая фантазія не въ состояніи передать зрѣлище этого неземнаго величія».

Хотя наука нѣсколько лѣтъ назадъ разъяснила причины происхожденія этихъ дивныхъ явленій полярной природы; тѣмъ не менѣе, въ виду того, что даже такому опытному наблюдателю, какъ г. Кеннанъ, осталась неизвѣстной причиной происхожденія этого картиннаго явленія я постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ представить читателю не только разъясненіе этого явленія, но и напомню также объ аппаратѣ *Деларива* для искусственнаго воспроизведенія этого явленія.

Съзерное сіяніе есть воспроизведеніе электричества, и всегда появляется въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Морская вода, превращаясь въ пары, уноситъ въ атмосферу положительное электричество, — откуда постоянное теченіе воздуха къ полюсамъ уноситъ его съ собою. Такимъ образомъ у обоихъ полюсовъ скопляется масса положительнаго электричества между тѣмъ — какъ сама земля заключаетъ

въ себѣ отрицательное электричество. Въ мѣстахъ наибольшаго своего сближенія оба электричества постепенно сгущаются до тѣхъ поръ, пока напряженность ихъ не достигнетъ крайнихъ предѣловъ, результатомъ чего бываетъ соединеніе ихъ между собою, выражающееся воспламененіемъ ихъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ *сѣверныхъ сіяній*, этимъ стремленіемъ электричества къ сближенію у полюсовъ объясняется направленіе электрическихъ токовъ отъ экватора къ полюсамъ, а также бездѣйствіе телеграфа и колебанія магнитной стрѣлки во время сѣверныхъ сіяній.—Для искусственнаго воспроизведенія этаго явленія Деларивъ устроилъ деревянный шаръ, который при помощи двухъ желѣзныхъ прутьевъ, прикрѣпленныхъ на его концахъ, укладывается на двухъ желѣзныхъ цилиндрахъ, которые можно намагничивать помощью электрическаго тока. Устроивъ этотъ приборъ, Деларивъ, намочивъ двѣ полоски пропускной бумаги соленой водой, одну изъ нихъ кладетъ по экватору, другую по меридіану и къ этимъ бумажкамъ прикрѣпляетъ пластинки мѣди, сообщающіяся съ нитями гальванометра, поставленнаго въ сторонѣ. Бумажная полоска на экваторѣ соединяется съ отрицательнымъ полюсомъ прибора, а кольца стеклянныхъ рукоятокъ, укрѣпленныхъ подлѣ цилиндровъ съ положительнымъ. Тотчасъ послѣ соединенія прибора Румкорфа съ аппаратомъ Деларива покажется свѣтлый столбъ между концами желѣзныхъ оконечностей шара и металлическими кольцами рукоятки. Если намагнитятъ цилиндрическія подпорки, то столбъ превращается въ дугу, имѣющую вращательное движеніе, направленіе котораго зависитъ отъ направленія, по которому происходитъ соединеніе электричествъ. Въ тоже время изъ свѣтовыхъ колець, окружающихъ желѣзныя оконечно-

сти шара, какъ спицы изъ втулки, выходитъ множество столбовъ, объясняющихъ происхожденіе столбовъ сѣвернаго сіянія. Въ то же время въ шарѣ, какъ показываетъ стрѣлка гальванометра, образуются электрическіе токи, подобныя тѣмъ, какіе наблюдаютъ во время сѣверныхъ сіяній на телеграфическихъ нитяхъ, и которые проявляютъ также свою дѣятельность въ колебаніяхъ магнитной стрѣлки. Вообще приборъ Деларива довольно наглядно объясняетъ всѣ тѣ явленія, которыя своею необъясненностью поразили Кеннава.

Въ заключеніе нашего этюда мы считаемъ не лишнимъ ознакомить читателя съ тѣми обычаями, которые сопровождаютъ праздникъ Р. Хр. на крайнемъ сѣверо-востоку нашей земли, въ *Анадырскъ*.

«25-го декабря, рассказываетъ Кеннавъ, всѣ мы встали за четыре часа до разсвѣта*), чтобы присутствовать при раннемъ богослуженіи въ церкви. Всѣ въ домѣ были на ногахъ; огонь ярко горѣлъ на очагѣ, — восковыя свѣчи были зажжены передъ образами и кіотами нашей комнаты и воздухъ былъ пропитанъ запахомъ ладона. На дворѣ было темно и лишь слабое сѣверное сіяніе блистало надъ верхушкою деревьевъ на сѣверѣ селенія. Изъ каждой трубы поднимались столбы дыма и искръ, свидѣтельствовавшіе, что всѣ жители уже встали. Мы поспѣшно отправились къ бревенчатой церкви, стѣны которой были украшены изображеніями патріарховъ и русскихъ святыхъ, предъ которыми горѣли большія восковыя свѣчи, перевитыя спиралью полосками позолоты. Облака синеватаго благоухающаго дыма поднимались къ потолку отъ кадилъ... Едва, по возвращеніи изъ церкви я допилъ послѣднюю чашку чаю и докурить папироску, какъ дверь внезапно

*) Разсвѣтаетъ въ это время въ Анадырскѣ около 11-ти часовъ

отворилась и съ полдюжины людей съ серьезными и безстрастными лицами, вошли вереницей, остановились за нѣсколько шаговъ передъ иконой въ углу, перекрестились всѣ заразъ, и заплѣли: «*Христосъ рождается...*» Увлеченные своимъ пѣніемъ пѣвчіе, казалось, не замѣчали нашего присутствія, и только по окончаніи гимна обратились къ намъ съ привѣтствіемъ, и поздравили съ праздникомъ. Вслѣдъ за ними одна толпа пѣвцовъ слѣдовала за другой пока, наконецъ, вся молодежь города перебивалась у насъ и получила наши копѣйки. Большинство ихъ вело себя очень прилично, и только нѣкоторые изъ мальчишекъ послѣ гимна обращались со словами: «*Христосъ родился, — дайте мнѣ денегъ!..*» Когда взошло солнце, свѣчи были погашены; народъ приварядился въ свои лучшія одежды и все населеніе предалось ничѣмъ не стѣсняемымъ увеселеніямъ, на колокольных звонили не переставая; сани, запряженные собаками, и наполненные дѣвушками, неслись по улицамъ, опрокидываясь въ свѣжныхъ сугробахъ, и мчались внизъ по холмамъ среди криковъ и смѣха; женщины въ пестрыхъ ситцевыхъ платьяхъ, повязанныя пунцовыми шелковыми платками, ходили изъ дома въ домъ съ поздравительными визитами; толпы мужчинъ играли въ мячъ на свѣгѣ и все поселеніе представляло оживленный и веселый видъ... Въ одинъ изъ праздничныхъ дней анадырскій священникъ сдѣлалъ въ честь американскихъ гостей большой балъ, на который приглашены были жители всѣхъ четырехъ селеній, составляющихъ Анадырскъ. Около 5 часовъ вечера начали собираться гости, которыхъ собралось человекъ 40; мужчины были одѣты въ тяжелыя, мѣховыя буклянки, такія же панталоны и сапоги; а дамы—въ прозрачныя кисейныя и ситцевыя платья. — Такая несоотвѣтственность въ ко-

стюмахъ обоихъ половъ не была лишена живописности. Оркестръ состоялъ изъ двухъ, грубо сдѣланныхъ, скрипокъ, двухъ балалаекъ и большаго гребня съ листомъ бумаги — инструмента хорошо извѣстнаго всѣмъ мальчикамъ. Дамы по прїѣздѣ садились торжественно врядъ на деревянныя скамейки, а мужчины становились густой толпой. Общее молчаніе нарушалось изрѣдка пискливымъ аккордомъ разбитой скрипки или меланхолическимъ «*тутъ-тутъ*» артиста на гребнѣ. Вскрѣ подали гостямъ деревянный, гарница въ четыре, сосудъ съ сырой брусникой, другая чашка была наполнена, какъ показалось Кеннану, сосновыми стружками, которыя на дѣлѣ были ничѣмъ другимъ, какъ настроганной, сырой, замороженной рыбой, извѣстной въ Сибири подъ именемъ «*струганины*»; потомъ подали бѣлый хлѣбъ съ масломъ, пироги съ брусникой и чай, которымъ и закончился ужинъ. Открывался балъ. Оркестръ, качая головами и притопывая въ тактъ, разразился оживленнымъ народнымъ танцемъ, при чемъ гребенщикъ раскраснѣлся отъ усиленной натуги, а все собраніе начало пѣть. Черезъ минуту одинъ изъ мужчинъ въ платьѣ изъ пятнистой оленьей шкуры и въ лосинныхъ панталонахъ выскочилъ на средину комнаты и низко поклонился одной изъ дамъ; дама встала съ граціознымъ поклономъ и оба начали плясать «*русскую*»; на смѣну первой дамѣ явилась вторая... мало по малу музыка ускоряла свой темпъ и танцующіе перешли въ бѣшенную пляску; рѣзкія восклицанія и замѣчанія: «*валяй!*» *не отставай!*» раздавались со всѣхъ концовъ комнаты... Вдругъ пляшущій бросился на землю къ ногамъ своей дамы и началъ въ присядку плясать вокругъ нея... Все общество пришло въ дикій восторгъ; крики и пѣсни заглушали всѣ музыкальные инструменты, исключая

гребня, который продолжалъ трубить, подобно шотландской волынкѣ. Въ это время общество прониклось до того возбужденіемъ, что даже Кеннанъ потерялъ свое самообладаніе и въ «*козачкѣ*», который заиграли послѣ «*русской*», мы видимъ, что оба американца, посѣтившіе Анадырскъ, при крикахъ: «*валляй, американцы!... эхъ, эхъ, эхъ!...*» отплясывали въ ряду танцующихъ... Въ Сибири считается большимъ нарушеніемъ этикета, если кто, пустившись разъ танцовать, не протанцуетъ со всѣми дамами въ обществѣ... Танцы, прерывавшіяся по временамъ мѣстными играми и частыми угощеніями въ видѣ замороженной брусники, продолжалось въ теченіе 9-ти часовъ къ ряду. — Въ продолженіе всѣхъ святокъ поселеніе раздѣляло свое время между визитами, приглашеніями на чай, плясками, катаньемъ на саняхъ и игрою въ мячикъ. Каждый вечеръ толпа наряженныхъ въ самые фантастическіе костюмы съ музыкой обходила всѣ дома.

Жители маленькихъ поселеній въ сѣверо-восточной Сибири, по увѣренію Кеннана, самый добросердечный, беззаботный и гостепріимный народъ во всемъ мірѣ, — и эти качества всюду проявляются въ ихъ общественной жизни, не смотря на ея грубость. Нѣтъ ни церемоній, ни напыщенности, ни желаній выставиться въ ущербъ другому. Всѣ смѣшаны вмѣстѣ; всѣ обращаются другъ съ другомъ съ самой радушной откровенностью; мужчины часто цѣлуются при встрѣчахъ и на прощаньи. Уединенность отъ остальнаго міра связала здѣшнее общество узами взаимной симпатіи и изгнала чувство зависти и мелочнаго эгоизма... Во все время пребыванія нашего у священника, говоритъ Кеннанъ, съ нами обращались съ возможнымъ вниманіемъ и обдуманнѣмъ

уваженіемъ, и его маленькій запасъ муки, сахару и масла щедро тратился для нашего стола. Онъ былъ радъ дѣлать съ нами все, что у него было, ни когда не намекалъ даже на вознагражденіе; ему, кажется, и въ голову не приходило, что онъ дѣлаетъ болѣе того, чего требуетъ обыкновенное гостепріимство».

Хотя очеркъ нашъ заканчивается обзорѣніемъ холоднаго, и подчасъ голоднаго края находящагося на сѣверѣ Камчатки; тѣмъ не мѣнѣе, конечно, читатель не забылъ о той роскошной растительности, — о той живописной природѣ, которая можетъ считаться одной изъ лучшихъ мѣстностей для развитія скотоводства и земледѣлія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; но увы недостатокъ капиталовъ, малочисленность населенія и полнѣйшее отсутствіе даже представленія о дорогахъ внутри страны — держатъ край на той точкѣ прозябанія, которая при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ можетъ переморить все населеніе... Глядя на эту богатую окраину, по неволѣ убѣждаешься въ томъ, что не смотря на то, что природа дала этому краю такъ много — человекъ не сдѣлалъ ничего! А между тѣмъ, какія громадныя выгоды можно было бы извлечь изъ развитія скотоводства въ край; объ этомъ предоставляю судить тѣмъ которымъ извѣстно, что полуостровъ омывается двумя морями, — что вокругъ полуострова лежатъ голодныя мѣстности, что въ нѣсколькихъ дняхъ ѣзды по морю лежатъ Японія и Китай, переполненные людьми — но не богатые животной пищей.

„КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ДЛѢ ИНОГОРОДНЫХЪ“

С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 27, надъ Милют. рядами.

Пересылку книгъ принимаетъ на свой счетъ, если разстояніе не превышаетъ 1100 верстъ. При большихъ разстояніяхъ ставится въ счетъ выписывающаго съ каждаго фунта 11-ю копейками менше противъ почтовой таксы. пересылка иностр. и казенныхъ изданій оплачивается полной таксой безъ различія разстояній.

Магазинъ высылаетъ: 1) всѣ книги, кѣмъ бы, когда бы и гдѣ бы онѣ ни публиковались; 2) педагогическія пособія, письменныя принадлежности, бланки и пр. почтой и транспортомъ.

Подписка на всѣ журналы и газеты.

Городскимъ покупателямъ дѣлается уступка 10 к. съ рубля. Книги можно заказывать черезъ городскую почту, съ доставкой на домъ черезъ посыльнаго, которому уплачивается 20 коп.

Каталоги магазина съ 1867 по 1872 г. высылаются бесплатно.

Поступили въ продажу новыя книги:

Кеннанъ. Степная жизнь въ Сибири ц. 1 р. 25 к.

Рамбоссонъ. Материнск. воспитаніе основанное на законахъ природы. Ц. 50 к.

Коховскій, В. И. О трудѣ и отдыхѣ ц. 10 к. Отцамъ и матерямъ о дѣтяхъ ц. 10 к.

Николичъ, А. И. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ съ изображеніемъ памятника Кольцова и его портретомъ. ц. 10 к.

Сорокинъ М. И. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ съ изображ. памяти. Ломон. и его портретомъ. Ц. 10 к.

Некрасовъ. Морозъ красный носъ. Поэма. Ц. 15 к.

Медеръ Н. Б. О томъ какого вида земля и какъ велика она. Ц. 10 к.—Отчего происходитъ перемѣна дней и ночей, весна, лѣто, осень и зима. ц. 10 к.

Шалфьевъ И. И. Царь Петръ Великій. Ц. 8 к. Двѣнадцатый годъ. Ц. 20 к.

Навловичъ. О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ. Ц. 10 к. О крещеніи князя Владиміра Ц. 10 к.

Московская чума и разбойникъ Козьма Рощинъ. Ц. 10 к.

Иунецъ Иголкинъ и подвигъ его. ц. 10 к.

Князь Михаилъ Тверской и татарскій погромъ. Ц. 10 к.

Александровъ. Какъ завелись у насъ артели. ц. 10 к.
Макаровой. Изъ дѣтскаго быта. Ц. 75 к.

Горбуновъ. Чѣмъ и какъ нужно удобрять поля, о сѣменахъ и посѣвѣ. Ц. 10 к. Новый мировой судъ для крестьянъ. Ц. 10 к.

Суворовъ и его походы въ Италіи и Швейцаріи. Ц. 10 к.

Крымская война (1854 и 1856). Какъ жили и умирали въ Севастополѣ. Ц. 10 к.

Крымская война (1854 и 1856). Русскіе подъ Севастополемъ. Ц. 10 к.

О богатствахъ сѣверн. окраинъ Сибири и народахъ тамъ кочующихъ. Сост. по матеріал. собран. М. К. Сидоровымъ ц. 20 к.

О томъ, что такое гроза и какъ предохранить себя отъ ея губительныхъ послѣдствій. Ц. 10 к.

О пещерахъ, соляныхъ и каменно-угольныхъ копяхъ. Ц. 10 к.